

ДМИТРИЙ М. ЖИХАРЕВИЧ

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия

ORCID: 0000-0002-2518-7858

Элементы прагматической теории капитализма

doi: 10.22394/2074-0492-2021-1-125-168

Резюме:

В статье представлен обзор современной историко-социологической литературы, посвященной осмыслению капитализма с прагматических позиций. Социологическая дискуссия о капитализме, представленная в историко-социологической и экономико-социологической литературах, фокусировалась на его институциональных атрибутах — рынках, деньгах, правах собственности и т.д. В отличие от доминирующего в социологической литературе атрибутивного подхода к анализу капитализма прагматический подход перемещает фокус внимания с институтов на практики придания ценности, в ходе которых компетентные агенты наделяют экономической ценностью различные объекты. В этой перспективе капитализм рассматривается не как совокупность институтов, но как исторически специфичный набор практик, в ходе которых объекты собственности трансформируются в приносящие доход активы. В первой части статьи дается краткая характеристика предпосылок формирования прагматического подхода к капитализму в прагматической экономической социологии и «новой» истории капитализма. Для экономических социологов «прагматический поворот» стал следствием переосмысления дискуссии формалистов и субстантивистов в рамках теоретического проекта, предложенного К. Чалышканом и М. Каллоном и направленного на эмпирическое изучение практик «экономизации». Для историков капитализма аналогичный теоретический маневр мотивировался необходимостью переосмысления экономической природы плантационного рабства в контексте истории США и трансатлантического капитализма в целом. Вторая статьи часть посвящена об-

125

Жихаревич Дмитрий Михайлович — PhD, научный сотрудник Центра STS, Европейский университет в Санкт-Петербурге. Научные интересы: социальная теория, капитализм, исследования науки и технологий. E-mail: Dzhikharevich@eu.spb.ru

Автор признателен за полезные комментарии Наталье Трегубовой, Давиду Хумаряну и Илье Коновалову. Особая благодарность Антону Смолькину и Александру Павлову за титаническое терпение и толерантность к просроченным дедлайнам.

Acknowledgements: The author is grateful to Natalya Tregubova, David Khumaryan and Ilya Konovalov for useful comments. A special thanks is due to the editors of this journal and this issue, Anton Smol'kin and Alexander Pavlov, for their heroic patience and tolerance for the author's perennially failed timing.

зору основных расхождений между прагматическим и доминирующим в социологии атрибутивным подходами к анализу капитализма. Прагматический анализ предполагает поворот от репрезентации к действию, проблематизацию темпоральной организации капитала, перенос акцента с процессов коммодификации на процессы капитализации, а также внимание к роли компетентных агентов в этих процессах. В заключение приводятся некоторые соображения относительно перспективы развития прагматической теории капитализма.

Ключевые слова: капитализм, прагматизм, экономическая социология, история капитализма

Dmitrii M. Zhikharevich¹

European University at St Petersburg, Russia

Elements of a Pragmatic Theory of Capitalism

Abstract:

This paper offers a review of the recent literature on capitalism in history and sociology inspired by the Pragmatist perspective. In historical sociology and economic sociology, capitalism has largely been discussed in terms of its institutional attributes, e. g. property rights, money, markets, proletarianization of labor, supportive governments, etc. This approach can tentatively be called “attribute-based.” In contrast to the “attribute-based” approach, the pragmatic approach takes a different perspective on capitalism, treating it as a set of practices rather than a set of institutions. Thus, capitalism appears as a set of historically specific valuation practices, whereby legal property is transformed into income-generating assets. The first part of the paper describes the origins of the “pragmatic turn” in the study of capitalism in economic sociology and the “new” history of capitalism. For the former, the emergence of the pragmatic approach to capitalism resulted from the development of the research program on “economization” elaborated by Koray Çalışkan and Michel Callon. For the latter, the impetus came from the necessity to rethink the economic characteristics of chattel slavery in the history of American capitalism, as well as the history of the trans-Atlantic economy more generally. The second part of the paper focuses on the divergences between “attribute-based” and pragmatic approaches to capitalism. The latter presupposes a turn from representation to action, putting the temporal organization of capital as a process into the centre of analysis, a turn from commodification processes to the processes of capitalization or assetization, as well as the role of competent agents in these processes. In conclusion, several tentative generalizations are offered regarding the prospects of the pragmatic approach to capitalism.

Keywords: capitalism, pragmatism, economic sociology, history of capitalism

¹ Dmitrii M. Zhikharevich — PhD, research fellow, STS Centre, European University at St Petersburg. Research interests: social theory, capitalism, science and technology studies (STS). E-mail: Dzhikharevich@eu.spb.ru

Введение

Происходящее в последние годы оживление интереса к понятию капитализма [Boldizzoni 2008; Hodgson 2015; Коска 2016], резко контрастирующее с его «исчезновением» из репертуара социальных наук на рубеже веков [Heilbroner 1998; Arrighi 2001], пока не привело к значительному обновлению социологической дискуссии. Как понятие и проблема капитализм наиболее интенсивно обсуждался в двух социологических литературах: сравнительно-исторической макросоциологии, где пик дискуссий пришелся на 1970–1980-е годы, и экономической социологии конца 1990–2000-х годов. Историко-социологические дебаты строились вокруг двух основных эмпирических проблем. Во-первых, это была «проблема перехода» от феодализма к капитализму, то есть вопрос о том, «почему капитализм развился вначале в определенный момент в отдельных частях Европы» [Лахман 2010: 31]; во-вторых, обратная «проблема „фальстартов капитализма“», то есть вопрос о том, почему капитализм *не* развился в другое время в других частях Европейского континента, где к этому существовали предпосылки [Emigh 2009; Lachmann 1989; Лахман 2010: 86–175; 2016: 38–59; Грэбер 2014: 39–46]. Эти вопросы имели значение не только в рамках исторической полемики о периодизации: предметом дискуссии были альтернативные объяснения генезиса капитализма и его «фальстартов» в конкретных регионах в конкретные исторические периоды, согласованные в рамках единой теоретической схемы, как правило, опирающейся на синтез марксистских и веберовских подходов¹.

В 1990-е и 2000-е годы дискуссия о капитализме возобновилась в экономической социологии и сравнительной политэкономии, которые фокусировались, с одной стороны, на проблеме «перехода к рынку» в странах бывшего СССР и «рыночных реформах» в Восточной Европе, Китае и Латинской Америке, с другой стороны — на сравнительном изучении «вариантов капитализма» (*varieties of capitalism*) и различных форм институциональной укорененности рынков². В отличие от исторической социологии экономико-социологическая дискуссия о капитализме фокусировалась уже не на контингентных исторических процессах его генезиса, а на синхронической «картографии» институциональных разви-

1 Точку в этих дебатах, по-видимому, поставил в своих работах Ричард Лахман [2010] (см. обзор в работе [Жихаревич, Резаев 2013]).

2 См., например, работы [Дор 2008; Биггарт, Гиллен 2008; Флигстин 2013; Hall, Soskice 2001; Nee, Swedberg 2005; Swedberg 2005a; Swedberg 2005b; Nee, Swedberg 2007; Streeck 2012; Hall 2015; Reinert et al. 2016].

чий между национальными моделями капитализма¹. Поскольку как «старая», так и «новая» экономическая социология избежали прямого влияния марксизма [Aggighi 2001], теоретическим ориентиром для этой дискуссии стал синтез веберовской концепции капитализма и работ Карла Поланьи по сравнительно-историческому анализу хозяйственных систем [Поланьи 2002; 2010; Swedberg 2005a; 2005b; Beckert, Aspers 2010].

В обеих литературах под капитализмом понималась совокупность институциональных атрибутов, предположительно исчерпывающих теоретическое содержание этого понятия: частная собственность на землю и другие средства производства, пролетаризация труда, государственная защита прав собственности и т.д. [Лакхман 2010: 27; Флигстин 2013; Beckert 2013; Swedberg 2005a; 2005b]². В историко-социологической дискуссии они рассматривались как необходимые и достаточные условия для возникновения капитализма, в политэкономии и экономической социологии — как переменные для межстрановых сопоставлений. Поэтому в порядке грубого обобщения доминирующий в социологии подход к анализу капитализма можно назвать атрибутивным.

128

Атрибутивный подход располагает понятие капитализма на пересечении трех категориальных рядов. Во-первых, вслед за марксистской теорией капитализм противопоставляется «докапиталистическим экономическим формациям», в которых превалировало внеэкономическое принуждение к труду, а товарный обмен не имел генерализованного характера [Hobsbawm 1965; Hindess, Hirst 1975]. Во-вторых, вслед за Вебером и его последователями под капитализмом понимается эпоха в истории хозяйства, когда доминирующим способом удовлетворения повседневных потребностей становится доходное предприятие — особый тип экономического действия, ориентированного на получение прибыли и капитальный расчет,

1 Наиболее последовательно этот подход развил Н. Флигстин в своих работах об институциональной архитектуре рынков [Флигстин 2013], но наиболее отчетливая формулировка общего принципа принадлежит не ему, а Р.М. Унгеру, назвавшему понятие рыночной экономики «институционально недетерминированным», то есть допускающим многообразие институциональных и правовых форм реализации [Unger 2010: 9], на изучении которых и сфокусировались экономические социологи [Флигстин 2013; Knudsen, Swedberg 2009; Granovetter 2009; Жихаревич 2018].

2 Подобного подхода придерживается и современная экономическая история, определяя институциональное «ядро» капитализма, характерное для любых национальных «вариантов», через четыре атрибута: частные права собственности; контракты, обязательные к исполнению третьими сторонами; рынки с гибкими (responsive) ценами; поддерживающие правительства [Neal 2014: 2; Neal, Williamson 2014a; 2014b].

в противоположность домохозяйству, направленному на непосредственное удовлетворение потребностей путем соотнесения предельных полезностей [Вебер 2001: 12, 13; 254-257; Collins 1980; Swedberg 1998]¹. В свою очередь капитальный расчет может быть более или менее рационален в зависимости от наличия определенных институциональных атрибутов². Наконец, в концепции Поланьи, от которой отталкивается экономико-социологическая дискуссия о капитализме, последний отождествляется с «рыночным обществом», где рынок становится центральным экономическим институтом, опосредующим размещение факторов производства, и противопоставляется нерыночным механизмам интеграции хозяйственных систем: взаимности, перераспределению и автаркии [Поланьи 2002: 55-68; Swedberg 2005a; 2005b].

В последние 10 лет в исторической и социологической литературе начал складываться новый подход к анализу капитализма, независимый от предыдущих дискуссий в исторической и экономической социологиях. Этот подход можно назвать прагматическим, поскольку он пересматривает понятие капитализма, интерпретируя его не как совокупность экономических *институтов* (рынки, деньги, права собственности и т.д.), но как набор специфических *практик*, в ходе которых агенты придают экономическую ценность широкому кругу объектов и процессов (*valuation practices*) [Kornberger et al. 2015]. Основные элементы прагматического подхода были намечены в двух литературах, первоначально развивавшихся независимо друг от друга, — прагматической экономической социологии и «новой» истории американского капитализма. Их формальное объединение произошло в конце 2010-х годов с выходом первых работ, содержащих взаимные цитирования [Giraudeau 2019; Muniesa et al. 2017; Cook 2017; Levy 2017; Abourhame, Jabary-Salamanca 2016; Giraudeau 2016; см. также Birch,

- 1 Согласно Веберу [2001: 255], «целая эпоха может быть названа... типично-капиталистической... когда покрытие потребностей совершается капиталистическим путем... в таком объеме, что с уничтожением этой системы пала бы возможность их удовлетворения вообще».
- 2 В разных вариантах они включают: присвоение автономными частными предприятиями свободной собственности на вещные средства производства, вольный рынок, рациональную технику, рациональное право, свободный труд, коммерческую организацию хозяйства, а также рациональный дух и рациональную этику [Вебер 2001: 254-257, 285-286, 317-320]. См. подробнее об этом в работах Р. Коллинза и Р. Сведберга [Collins 1980; Swedberg 1998: 7-21]. Собственно, сам способ рассуждения об институциональных предпосылках капитализма, характерный для значительной части исторической социологии, можно охарактеризовать как веберианский [Ragin, Zaret 1983; Sewell 1990].

Muniesa 2020]. С содержательной точки зрения, социологическую и историческую версии прагматического подхода к анализу капитализма также объединяет ряд общих черт.

Во-первых, обе литературы испытали интеллектуальное влияние американского прагматического движения XIX–XX веков, хотя и в разной степени [Muniesa 2016; 2011; Hodgson 2004; Livingston 2000; Yonau 1998]. Если теоретическими ориентирами дискуссии в исторической и экономической социологии выступали работы Маркса, Вебера и Поланьи, то для прагматического анализа капитализма релевантными классиками оказываются институциональные экономисты «старой» школы, прежде всего, Т. Веблен и Дж. Коммонс. Во-вторых, прагматический подход предполагает отказ от рассмотрения экономической ценности (стоимости) терминах имманентных качеств и их репрезентаций (труд как источник стоимости vs деньги как ее репрезентация)¹. Прагматические теории смещают акцент с репрезентации на деятельность и предлагают мыслить ценность как результат практик придания ценности. В-третьих, такой подход переориентирует анализ на рассмотрение процессов, а не сущностей: вместо капитализма-как-состояния прагматические теоретики предпочитают говорить о капитале-как-процессе *капитализации*, которая понимается как частный случай практик придания ценности. В-четвертых, рассмотрение капитала как капитализации смещает акцент с товарного производства и рынка труда на инвестиции капитала, в анализе которых ключевой категорией оказываются не товары, а капитальные активы [Birch, Tyfield 2013; Girardeau 2016; Birch 2017]. Эта категория позволяет увидеть общие черты у рабовладельческого капитализма XVIII–XIX веков и современного «когнитивного» или «платформенного» капитализма, извлекающего ренту из прав собственности на знание и большие данные. В обоих случаях ключевым политэкономическим процессом является не коммодификация (рабского труда или единиц знания), а капитализация, в рамках которой рабы и знание превращаются в активы, обладающие ценностью одновременно как «факторы производства», и как приносящая доход собственность. Наконец, в-пятых, фокус на практиках предполагает помещение в центр анализа деятельности людей как компетентных агентов, без практических действий, знаний и навыков которых невозмо-

130

1 Отказ от анализа в терминах репрезентации является ключевой особенностью прагматического подхода, как он понимается в настоящей статье, и отличает его от других попыток построения прагматической теории капитализма или развития теоретических интуиций Веблена и Коммонса [Deutschmann 2011; Nitzan, Bichler 2009].

жен процесс капитализации [Çalışkan, Callon 2009; Каллон, Меадель, Рабехарисоа 2002].

В первой части статьи дается краткая характеристика предположений формирования прагматического подхода к капитализму в социологической и исторической литературах. Вторая часть посвящена обзору основных расхождений между прагматическим и атрибутивным подходами к анализу капитализма. В заключение приводятся некоторые соображения относительно перспективы развития прагматической теории капитализма.

От процессов экономизации к практикам придания ценности

Прагматический поворот в анализе капитализма был подготовлен в рамках программы исследования процессов «экономизации», предложенной М. Каллоном и К. Чалышканом. Каллон впервые использовал этот термин как собирательное обозначение «оформления и форматирования» экономики-как-вещи экономикой-как-дисциплиной, в ходе которого последняя обнаруживает свой перформативный характер [Callon 1998: 32–46; Callon, Latour 1998]. Под экономизацией понимается совокупность практик, конституирующих формы поведения, организации, институты и в более общем смысле объекты, которые в том или ином обществе квалифицируются в качестве «экономических», причем осуществляют эту квалификацию как эксперты (например, экономисты), так и «обычные» люди [Çalışkan, Callon 2009: 369–370; ср. Каллон, Меадель, Рабехарисоа 2002]. Другими словами, границы «экономического» невозможно установить априори: они контингентны и конституируются в практиках экономизации [Çalışkan, Callon 2009: 369]. Задача исследователя состоит не в уточнении этих границ, а в изучении конкретных ситуаций, в которых они проводятся на практике, например в ситуациях рыночного обмена [Çalışkan, Callon 2010]. Экономическая социология и антропология не могут претендовать на то, что изучают онтологический регион «экономического», границы которого заранее ясны. Напротив, они должны включить сами процессы проведения этих границ в область своего интереса.

Развивая свою исследовательскую программу, эксплицитно обозначенную как прагматическая, Чалышкан и Каллон [Çalışkan, Callon 2009: 386] предприняли ревизию ключевой дискуссии в экономической антропологии 1960-х годов — полемики формализма и субстантивизма, посвященной формальному и содержательному значению «экономического». С точки зрения формализма, «экономическое» — это не отдельная сфера человеческой деятель-

ности, а специфический аспект *любого* поведения, присущий ему в той мере, в какой оно связано с осуществлением более или менее рационального выбора между альтернативными целями в условиях ограниченности средств для их достижения [Роббинс 1993]. С точки зрения субстантивизма, «экономическое» — это процесс удовлетворения людьми материальных потребностей во взаимодействии со своей социальной и природной средой в процессах производства, распределения и потребления [Поланьи 2010]. Конвенциональная интерпретация этой полемики рассматривала формализм как «продолжение экономики», а субстантивизм — как «продолжение социологии» другими средствами [Грановеттер 2002: 45–46; Çalışkan, Callon 2009: 374]. Ключевым инсайтом Чалышкана и Каллона стал симметричный подход к этой дискуссии: они показывают, что субстантивизм тоже опирается на экономическую теорию, а у формализма есть собственный социологический проект.

132

Социологи и антропологи выдвигали два аргумента против формализма. Во-первых, критики указывали на его зависимость от неоклассической экономической теории, определяющей «экономическое» через индивидуальное поведение и игнорирующей социальный контекст [Грановеттер 2002]. Во-вторых, критике подвергались претензии формализма на универсальность, не учитывающие различия экономической мотивации в современных рыночных и досовременных нерыночных обществах [Поланьи 2010]. Чалышкан и Каллон показывают, что оба аргумента верны и в отношении субстантивизма. Во-первых, субстантивизм тоже находится в зависимости от экономической теории, просто от другой ее разновидности — классической политэкономии, где «экономическое» определяется через «логику-эмпирическую» триаду производства, распределения и потребления [Çalışkan, Callon 2009: 375]. С прагматической точки зрения, предметом полемики тогда оказывается не определение «экономического», а распределение агентности в процессе экономизации: для формалистов ее агентами являются индивиды, для формалистов — общества [Ibid.: 376–377]. Во-вторых, субстантивистское определение экономического тоже претендует на универсальность. Там, где формализм постулирует, что экономическое поведение индивидов устроено одинаково во все времена, субстантивизм утверждает, что все общества должны удовлетворять свои материальные потребности¹. В обоих случаях универсализм «экономического» нуждается

1 Ср.: «Редкость средств, предназначенных для удовлетворения целей разной значимости, — это почти универсальное свойство среды, в которой

в социологическом дополнении. Поскольку формы и модальности индивидуального экономического поведения отличаются друг от друга в разных культурах, формализм приводит к необходимости сравнительного изучения культур. Поскольку удовлетворение обществами материальных потребностей по-разному устроено в разных обществах, субстантивизм приводит к необходимости сравнительного изучения экономических институтов [Ibid.: 376].

Отталкиваясь от этих рассуждений, Чалышкан и Каллон обратились к проблематике экономической ценности, где теоретические позиции тоже тяготеют к полюсам формализма и субстантивизма. Формалистская позиция предполагает междисциплинарное разделение труда, которое Д. Старк остроумно назвал «пактом Парсонса»: «мы, экономисты, изучаем ценность; вы, социологи, изучаете ценности» [Stark 2000; Çalıřkan, Callon 2009: 381]¹. С одной стороны, экономическая теория изучает ценность как количественную характеристику объектов, поддающуюся точному исчислению и подлежащую рациональной оценке экономическими агентами². С другой стороны, ее дополняет сравнительное изучение «систем ценностей», понимаемых как «предельные цели» человеческой деятельности, придающие ей смысл, обладающие качественным своеобразием и несводимые друг к другу [Kornberger et al. 2015; Graeber 2001: 1-22; Spates 1983]. «Пакт Парсонса» в социологии и формализм в антропологии предполагают, что исчисление экономической ценности устроено одинаково везде и во все времена, однако степень его рациональности отличается в зависимости от ценностей той или иной культуры. Прототип этой аргументации — веберовский ана-

совершается человеческая деятельность» [Роббинс 1993: 18]; «Разумеется, никакое общество не могло бы жить, не располагая экономикой того или иного типа, однако вплоть до нашей эпохи не существовало экономики, которая, хотя бы в принципе, управлялась законами рынка» [Поланьи 2002: 55].

- 1 Старк подчеркивает роль парсоновского теоретического проекта в расщеплении проблематики ценностей на единичную экономическую ценность и множественные культурные ценности [Parsons 1935; Camic 1987; Spates 1983]. «Пакт Парсонса» предполагает разделение труда, в рамках которого в профессиональной юрисдикции экономистов оказывается человеческое поведение, связанное с осуществлением выбора в условиях альтернативности целей и ограниченности ресурсов, тогда как социологам надлежит сосредоточиться на изучении рамочных условий, в которых осуществляется этот выбор, в частности, культурных ценностей и норм, «канализирующих» экономическое поведение [Stark 2000].
- 2 Такой подход к ценности восходит к утилитаризму И. Бентама. См. [Kornberger et al. 2015].

лиз культурных предпосылок развития рационального капитализма, развитый Парсонсом и легший в основу теории модернизации.

Если для формализма решающее значение имеет разрыв между экономической ценностью и культурными ценностями, для субстантивизма аналогичную роль играет разрыв между современными и досовременными обществами, поскольку в них по-разному организованы производство, распределение и потребление. Логическим развитием субстантивистской программы становится проект исторической социальной науки, изучающей несводимые друг к другу системы правил, по которым в разных обществах устроено удовлетворение материальных потребностей. Экономическая ценность рассматривается как имманентная этим системам правил, будет ли это «закон стоимости» (Маркс), характерный для капиталистического товарообмена, или «тотальные поставки» (Мосс), логике которых подчиняется архаический обмен дарами [Çalışkan, Callon 2009: 385, 386]. Субстантивизм утверждает, что все общества должны производить, распределять и потреблять материальные блага, однако на длинных исторических промежутках эти процессы организованы по-разному, складываясь в несводимые друг к другу способы производства, системы обмена или «режимы ценности»¹. Прототипом этой аргументации является анализ генезиса буржуазного способа производства, предложенный Марксом и развитый его последователями в концепции материалистического понимания истории.

Как показывают Чалышкан и Каллон, в обоих случаях агентам отводится пассивная роль. Если ценностью («полезностью») обладают сами объекты, задача агентов сводится к ее более или менее верной оценке, а культурные ценности могут способствовать или препятствовать решению этой задачи. Например, рационализация хозяйственной этики, исходно имеющая ценностную природу, приводит к устранению таких иррациональных препятствий для развития рынка, как концепция справедливой цены, и делает возможной строго рациональную оценку обмениваемых благ [Вебер 2001: 317-332; Collins 1980]. Если ценность объектов задается правилами обмена, агенты превращаются в пассивных посред-

1 Маркс использовал терминологию способов производства, Поланьи — механизмов интеграции экономических систем, в экономической антропологии принято говорить о системах обмена или режимах ценности [Gregory 198; Çalışkan, Callon 2009; Graeber 2001]. Как показал К. Каратани, возможен синтез этих концепций через понятие способа обмена (mode of exchange) [Karatani 2008], что особенно актуально в свете ограничений понятия способа производства [Graeber 2006]. Для целей настоящей статьи далее используется собирательный термин «правила обмена».

ников структурной логики. Например, «закон стоимости» (Маркс) или «тотальная поставка» (Мосс) суть взаимоисключающие системы таких правил, которые, однако, в равной мере принудительны для агентов [Çalışkan, Callon 2009: 384–388; Маркс 1952; Мосс 2012]. Опираясь на прагматическую интуицию, Чалышкан и Каллон приходят к выводу о необходимости пересмотра понятия ценности как производного не от внутренних свойств самих объектов и не от институционально определенных правил их циркуляции, но от активной деятельности людей как компетентных агентов, чьи практические действия, знания и навыки в конечном счете и придают ценность вещам [Çalışkan, Callon 2009: 388; Каллон, Меадель, Рабехарисоа 2002]. Вопреки субстантивизму границы разных систем обмена не являются непроницаемыми: антропологические исследования показывают, что дары могут становиться товарами, а товары — дарами; статус вещи определяется контекстом и практиками придания ценности, к которым прибегают агенты [Gregory 1982; Thomas 1991; Callon, Latour 1998]. Вопреки формализму деятельность агентов не сводится к корректной (рациональной) количественной оценке характеристик объектов: агенты придают ценность объектам в непрерывном процессе их коллективной (ре) квалификации и переоценки, причем как внутри, так и за пределами конкурентного рынка [Çalışkan, Callon 2009: 389, 390; Каллон, Меадель, Рабехарисоа 2002]. Как и в случае процессов экономизации, Чалышкан и Каллон предлагают «фланговый маневр»: не редуцировать проблему ценности ни к рациональности индивидуальных оценок характеристик объектов, ни к эффектам системы правил, по которым эти объекты циркулируют, но эмпирически изучать практики, в ходе которых компетентные агенты придают ценность объектам.

«Фланговый маневр» вокруг проблемы ценности оказался теоретически продуктивным для переосмысления понятий капитала и капитализма. Атрибутивный подход к капитализму, доминирующий в социологической дискуссии, фокусируется на институтах и депроблематизирует ценность (стоимость), рассматривая ее либо как эффект системы отношений, либо как свойство самих вещей. Так, Маркс анализирует ценность (стоимость) как «стоимостное отношение», то есть специфическую форму, которую принимает общественный характер человеческого труда в условиях товарного производства. Стоимостное отношение — это отношение продуктов труда как стоимостей; оно «есть общественный продукт людей не в меньшей степени, чем, например, язык», и обладает принудительной силой «регулирующего естественного закона», который управляет товарным обменом [Маркс 1952: 80–81]. Агенты выступают пассивными посредниками этой структурной логики: «они

не сознают этого, но они это делают» [Там же: 80]. Напротив, Вебер [2016: 113, 118, 119]¹ намеренно избегает «спорного понятия» ценности (стоимости), вместо которого применяет неоклассическое понятие полезности. Носителями полезности (как вещными, так и не вещными) выступают различные блага, каждое из которых рассматривается как совокупность «отдельных, *оцениваемых* как желаемые, предполагаемых возможностей их использования» [Там же: 118, 119]. Агенты могут делать различные блага объектами своего стремления к полезности или связанным с ней экономическим возможностям, преследуя их более или менее рациональным образом, однако сами эти возможности ограничены природой благ как носителей полезности. Концепцию Поланьи можно интерпретировать как промежуточный случай: «великая трансформация» была неудачной попыткой подчинить экономическую ценность рынку, то есть произволу эгоистичных индивидов².

Таким образом, атрибутивный подход сводит ценность либо к полезности конкретных благ с точки зрения агентов, либо к эффекту структурной логики, управляющей процессами производства и обмена. В обоих случаях ценность рассматривается как нечто данное, будет ли это полезность благ, обусловленная возможностями их использования в хозяйственной деятельности, или исторически сложившееся общественное отношение, опосредованное вещами, в то время как агентам отводится пассивная роль. Прагматический подход возникает из попытки обойти обе позиции с помощью «флангового маневра» Чалышкана и Каллона: переосмыслить капитализм как специфическую разновидность практик придания ценности — *капитализацию*, рассматривая капитал процессуально и реляционно как «форму действия, метод контроля, акт конфигурации,

1 В немецком оригинале Вебер использует слово *Wert* (ценность), которое русский перевод передает как стоимость. Веберовское определение полезности включает «конкретные *особенные*, реальные или воображаемые, *возможности* сегодняшнего или будущего использования чего-либо, на обеспечение которых направлены усилия хозяйствующих лиц, воспринимающих эти возможности как средства достижения целей хозяйствования» [Вебер 2016: 118, курсив в оригинале]. Ср. с неоклассическим определением предмета экономической науки «через редкость» [Роббинс 1993: 16–18].

2 Поланьи [2002: 269] считал рыночное общество опасной утопией, приводящей к деструктивным эффектам в случае полной реализации: «Рыночное общество заслуживает критики не потому, что оно основывалось на экономике — последняя представляет собой в известном смысле необходимый фундамент любого общества, — а за то, что в основе его экономики лежал принцип эгоизма. Подобная организация экономической жизни является совершенно неестественной и необычной — в строго эмпирическом смысле чего-то *исключительного и уникального*».

операцию» [Muniesa et al. 2017: 14; Giraudeau 2016; Muniesa 2011]. В свою очередь прагматический анализ капитализма должен начинаться не со списка его институциональных атрибутов, а с изучения форм самого капитала, понятого как совокупность исторически изменяемых практик капитализации [Muniesa et al. 2017].

«Капитализм рабства»

Историческая версия прагматического поворота в анализе капитализма сформировалась в рамках «новой» истории американского капитализма. Эта литература сложилась в США на рубеже 1990-х и 2000-х годов как попытка возобновить историческую дискуссию об американском капитализме, отказавшись от телеологических концепций предыдущей историографии и учитывая последние достижения других социальных наук. Решающее влияние на ее формирование оказала дискуссия о природе плантационного рабства на американском Юге и островах Карибского бассейна в XVIII-XIX веках. В традиционной историографии рабство интерпретировалось как архаичный институт, основанный на неэкономическом принуждении и коммодификации самого труда, а не рабочей силы, на смену которому приходит капитализм, базирующийся на эксплуатации формально свободного наемного труда [Johnson 2004; Beckert, Rockman 2016: 9-10; O'Sullivan 2018: 762-777; Hilt 2017]. Теоретической основой подобного анализа выступала политическая экономия, либо постулировавшая неэффективность рабского труда (Смит), либо выводившая «рабское хозяйство» за скобки анализа капиталистического способа производства в его индустриальной форме, парадигматическим примером которого выступала английская текстильная промышленность (Маркс)¹. Однако в XVIII-XIX веках Англия, американский Юг и Вест-Индия были частью единой атлантической экономики, в рамках которой регионы наемного и рабского труда связывались общими товарными, денежными и миграционными потоками². Отказываясь рассматривать планта-

137

1 Маркс признавал, но подробно не исследовал роль рабства в развитии капитализма: «Вообще для скрытого рабства наемных рабочих в Европе нужно было в качестве фундамента неприкрытое рабство в Новом Свете» [1952: 763]. Джонсон указывает, что эта фраза интерпретировалась в свете стадийной концепции перехода от рабовладения к капитализму, однако возможно и «синхроническое» прочтение, акцентирующее взаимозависимость «неприкрытого рабства» в Новом Свете и «скрытого рабства» наемных рабочих в Старом Свете [Johnson 2004].

2 Так, до Гражданской войны выращенный рабами хлопок был самым ценным экспортным товаром США, сыгравшим значительную роль в разви-

ционное рабство как самостоятельный хозяйственный уклад, не являющийся частью капитализма *tout court*, хотя и связанный с ним экономическими отношениями,¹ «новые» историки капитализма сфокусировались на анализе их взаимозависимого сосуществования в рамках единого социально-экономического порядка, обозначаемого как «капитализм рабства» (slavery's capitalism) [Beckert, Rockman 2016].

Ключевым инсайтом «новых» историков в интерпретации «капитализма рабства» стал фокус на капитале, а не на труде. Если в качестве ключевой переменной рассматривать труд и формы его контроля, «капитализм рабства» вполне сопоставим с другими режимами принудительного труда, возникшими в периферийных регионах мир-системы после их вовлечения в орбиту европейской торговли в «долгом XVI веке». Наемный труд и рабство не противоречат друг другу как элементы разных способов производства, а являются разными способами контролировать труд, сосуществующими в едином пространстве международного разделения труда и перемещения прибавочного продукта [Валлерстайн 2015: 99–129]. Но если сосредоточиться не на труде, а на инвестиционной привлекательности предприятий, в которых этот труд задействуется, рабство приходится признать важнейшим капиталистическим институтом, ведь на протяжении большей части XVIII и XIX веков хлопковые и сахарные плантации были наиболее предпочтительным объектом для «безопасного» вложения капитала [Beckert et al. 2014: 51]. В фокусе внимания тогда оказывается не коммодификация рабского труда, а рабовладение как специфический режим собственности, а плантационное рабство предстает не только как способ организации *труда* и форма контроля над ним, но и как способ размещения *капитала* и форма управления активами.

«Новые» историки капитализма приводят два аргумента в пользу такого рассмотрения. Во-первых, плантационное рабство в южных штатах США было «финансиализированным»: рабы использовались не только как рабочая сила, но и как капитализированная

тии европейской текстильной промышленности, а плантационное рабство было глубоко интегрировано в международную финансовую систему [Беккерт 2018; Beckert, Rockman 2016: 1–2; Rosenthal 2020: 3].

1 В традиционной историографии американского рабства этот парадоксальный статус обозначался с помощью формулы «внутри, но не часть [капиталистического способа производства]» — «in, but not of», принадлежащей Элизабет Фокс-Дженовезе [Fox-Genovese 1988: 55]. Напротив, «новые» историки капитализма рисуют образ Юга как «общества рантье», живших на доходы со своего капитала, заключенного в тела плантационных рабов [Sklansky 2014: 40–41].

собственность, под залог которой можно было привлекать инвестиции и кредиты [Baptist 2012: 90-91; Rockman 2014: 446; Levy 2017: 497]¹. Они «работали как физически, так и финансово», выступая в роли ликвидного актива, способного генерировать постоянный доход для своих владельцев [Martin 2010: 866]. Если рабство и задержало развитие промышленности на Юге, поглотив инвестиционный капитал, который мог бы быть использован для создания инфраструктуры, одновременно с этим оно подстегнуло развитие финансов, банковского дела и рынков капитала, ставших наиболее продвинутыми в стране [Sklansky 2014: 40, 41]. Во-вторых, в целом ряде аспектов плантационное хозяйство было передовой формой экономической организации, а плантаторы-рабовладельцы — образцовыми капиталистическими акторами своей эпохи [Maggor 2016; Rosenthal 2018; 2020]². В частности, они анализировали производительность рабского труда, используя рациональные методы, и рассматривали рабов как капитальные активы, обладающие определенным «сроком службы», исходя из которого рассчитывалась их «амортизация» [Rosenthal 2018]. Как пишет Розенталь [Rosenthal 2020], плантационное рабство представляло собой форму капитализма, в которой «труд был капиталом». Ключевым аспектом рабства тогда оказывается не столько возможность работорговли как формы коммодификации, сколько использование рабского труда как формы капитализации: африканские рабы, находившиеся в собственности американских плантаторов, были скорее «живым капиталом», нежели «живым товаром».³

139

- 1 Например, в 1820-е годы европейские банки активно занимались секьютиризацией ценных бумаг, обеспеченных «человеческим капиталом» рабов: они формировали «пулы» закладных на рабов, которые затем перепродавались иностранным инвесторам, позволяя им получать доход от продажи хлопка, не будучи рабовладельцами; в конце 1830-х резкий рост цен на хлопок и рабов даже привел к формированию спекулятивного «пузыря» [Sklansky 2014: 41; Baptist 2012].
- 2 Плантаторы входили в число самых богатых бизнесменов своего времени, занимались научным сельским хозяйством, полагаясь на рационализированные практики учета и управления трудовыми ресурсами, аналогичные появившемуся позднее тейлористскому научному управлению, и пользовались услугами наемных управляющих. Изучение их бухгалтерских архивов показывает, что хлопковые плантации американского Юга и сахарные плантации Вест-Индии стали «испытательными полигонами» современного менеджмента, где внедрялись разделение собственности и контроля, сложные формы административной иерархии и продвинутые методы финансового и управленческого учета [Rosenthal 2018; Rosenthal 2020; см. также: Clegg 2015; Ott 2014; Rockman 2014; Johnson 2004].
- 3 Идея о том, что рабы представляли собой часть «основного капитала» плантаций, звучала в дискуссиях экономических историков 1970-х годов. «Новых» историков капитализма в меньшей степени интересует эффектив-

В этой перспективе наиболее «чистым» случаем «капитализма рабства» являются сахарные плантации Вест-Индии. Культивация сахарного тростника была трудоемким и капиталоемким процессом, требовавшим существенных стартовых инвестиций в основной капитал, окупить которые можно было лишь при помощи экономии от масштаба. Поэтому карибские островные плантации зависели от внешних инвестиций и вовлекались в трансатлантические финансовые сети, что определило специфику их социальной структуры. Будучи практически полностью населены рабами, островные плантации так и не смогли развиваться в полноценные переселенческие сообщества [Cook 2017: 6, 54]. В отличие от южных штатов США, где рабы были заняты не только производством хлопка, но и работали в господском домохозяйстве, карибские плантации были инвестиционными проектами. Находясь в заочном владении, они управлялись наемными менеджерами, чьей задачей была максимизация прибыли в интересах собственников и их кредиторов, предоставлявших займы под залог земельной и «человеческой» собственности плантаторов [Cook 2017: 53, 54, 95]. С этой точки зрения социальная организация островных плантаций Вест-Индии, считавшаяся признаком их «отсталости» по сравнению с сообществами переселенцев колониальной Америки, предстает как свидетельство административной сложности и управленческой рациональности плантационной экономики [Cook 2017; Rosenthal 2018].

Капиталистический характер плантационного рабства не согласуется с атрибутивным подходом. Маркс и Вебер исключали принудительный труд из понятия капитализма, хотя и признавали важную роль европейской колониальной экспансии и плантационного рабства в его развитии [Маркс 1952: 768–777; Вебер 2001: 272–276]. Специфическим атрибутом капитализма они считали «свободный труд», то есть наличие критической массы юридически свободных людей, вынужденных продавать свою рабочую силу на рынке труда, без чего была бы невозможна эксплуатация через экономическое принуждение к труду (Маркс) или рациональный расчет капитала (Вебер) [Маркс 1952: 175; Вебер 2001: 256]. Аналогичным образом Поланьи считал рабочую силу одним из трех «фиктивных товаров», а рынок труда — важнейшим капиталистическим институтом [2002: 92–100 и др.]¹. В исторической социологии проблема включе-

ность плантационной экономики по сравнению с экономикой свободного труда, а категория капитальных активов используется не для расчета рентабельности плантаций, а для описания управленческих практик самих плантаторов [O'Sullivan 2018; Hilt 2017; Beckert, Rockman 2016; Clegg 2015].

- 1 В «Великой трансформации» Поланьи вполне отчетливо высказывается о роли рынка труда, в отсутствие которого «попытка создать капиталисти-

ния принудительного труда в понятие капитализма была решена мир-системным анализом, где капитализм переопределяется как капиталистическая мир-экономика, в разных регионах которой используются разные формы контроля над трудом [Валлерстайн 2015: 99–129]. Теоретическим фундаментом этого решения становится политэкономия: капиталистическая мир-экономика — это, прежде всего, структура разделения *труда*, ограниченного рамками системы международной торговли [Brenner 1982]. Таким образом, ключевым атрибутом капитализма становится не рынок труда, а мировой рынок, объединяющий регионы с разной экономической специализацией и формами контроля над трудом. Участники международной торговли не обязательно полагаются на экономическое принуждение к труду, однако сам этот труд используется, чтобы производить товары для продажи на мировом рынке.

Помещая в центр анализа международную торговлю, мир-системная перспектива неявно отождествляет капитализм с процессами коммодификации и коммерциализации хозяйственной жизни [Lachmann 1989: 58; Skocpol 1977], отчасти воспроизводя модернизационный нарратив о «рыночной революции» [Wood 1994; Cook 2017]. «Новые» историки капитализма предложили альтернативное решение проблемы капиталистического характера рабства, сфокусировавшись не на труде, а на капитале. Как пишет И. Кук, рыночное или коммерческое общество и капитализм не совпадают друг с другом ни логически, ни исторически. Рынки, потребительские товары и коммодификация являются необходимыми, но недостаточными элементами капитализма, а его отличительная черта — это *капитализация*. Под капитализацией понимается совокупность практик, с помощью которых «базовые элементы общества и жизни, в том числе природные ресурсы, технологические открытия, культурные произведения, городские пространства, образовательные институты, человеческие существа и фискальное национальное государство превращаются (или «капитализируются») в генерирующие доход активы», оцениваемые в соответствии с ожиданиями относительно их способности приносить доход в будущем [Cook 2017: 5; ср.: Giraudeau 2016; Levy 2017; Muniesa et al. 2017; Birch, Muniesa 2020].

Важнейшим достижением мир-системного анализа была пространственная интерпретация модернизационного нарратива. Представив феодализм и капитализм не как стадии развития, а как

ческий строй» обречена на «катастрофический провал» [Поланьи 2002: 95], а также о невозможности «говорить о существовании промышленного капитализма как социальной системы» в Англии до 1830-х годов, когда сложился конкурентный рынок труда [Там же: 97].

элементы единой структуры мир-системы, размещенные в разных географических регионах, мир-системный анализ выступил против эссенциализации капитализма. «Новая» история капитализма решает ту же задачу другими средствами, дополняя вопрос о генезисе структуры разделения труда, сложившейся между различными регионами мир-системы, и распределения форм контроля над трудом внутри этих регионов, вопросом о генезисе различных «инвестиционных режимов», в рамках которых разные активы подлежат капитализации на разных условиях [Cook 2017; Levy 2017]. В этой перспективе ключевой переменной становятся не формы контроля над *трудом*, а объекты собственности, выступающие привилегированными формами *капитала*, — будут ли это рабы, земля или индустриальные фабрики. История капитализма, рассматриваемого прагматически, предстает как история *практик* — различных форм капитализации, направленных на разные активы и укорененных в разных инвестиционных режимах.

Капитал как капитализация

142

Социологическая и историческая литературы развивались параллельно друг другу и пришли к необходимости прагматической реконцептуализации капитализма независимыми маршрутами. Однако решающий шаг — формулировка понятия капитализации — был сделан уже после их формального объединения в 2017–2020-е годы, когда впервые появились работы, содержащие взаимные цитирования [Muniesa et al. 2017; Cook 2017; Birch, Muniesa 2020]. Сегодня можно говорить о единой литературе, анализирующей капитализм с прагматических позиций, хотя говорить о прагматической *теории* капитализма, вероятно, преждевременно [Deutschmann 2011]. Элементы прагматического *подхода* к капитализму можно суммировать в четырех тезисах, каждый из которых по-своему артикулирует базовую прагматическую установку на рассмотрение капитализма как практики капитализации: переход от репрезентации к действию; процессуальный анализ капитала; поворот то товаров к активам; внимание к компетентным агентам, которые осуществляют процессы капитализации.

От репрезентации к действию

Общей чертой различных вариантов атрибутивного подхода к анализу капитализма является редукционистское рассмотрение экономической ценности: она сводится либо к правилам обмена, либо к свойствам самих объектов. Как пишет Ф. Муниеса, в основе такого подхода лежит идея репрезентации. Предполагается, что ценность

того или иного объекта обусловлена его фундаментальными качествами, которые с большей или меньшей точностью репрезентируются в рыночных ценах на товары или в пропорциях, по которым обмениваются блага, обладающие разной полезностью для разных агентов [Muniesa et al. 2017: 14-17; Ott 2018: 64-68; Hodgson 2014: 16; Levy 2017: 501-502; Muniesa 2011]. Исторические истоки «репрезентационного» анализа восходят к средневековым теориям «справедливой цены», а раннюю попытку его теоретической разработки можно найти в классической политической экономии, однако этот стиль мышления в равной мере характерен и для марксизма, и для неоклассической экономической теории. Все они рассматривают ценность как производную от некоторого набора «аутентичных» качеств объектов, расходясь в определении этих качеств [Фуко 1977; Muniesa et al. 2017: 15; Levy 2017: 501-502]¹. Аналогичная двойственность присутствует и в истории понятия капитала, где существовали фондовая (денежная) и материалистическая (факторная) концепции. Первая появилась в средневековой коммерческой практике и отождествляет капитал с суммой денег, вторая окончательно сложилась в неоклассической экономической теории на рубеже XIX и XX веков и приравнивает капитал к совокупности «капитальных благ» (capital goods) или «факторов производства», ценность которых отражает их физическую продуктивность [Levy 2017; Hodgson 2014; Boldizzoni 2008; Hicks 1974].

143

Атрибутивный подход к анализу капитализма рассматривает ценность и *a fortiori* капитал в терминах репрезентации, противопоставляя, с одной стороны, ценность как социальную конструкцию, конвенцию или проекцию, с другой стороны — ценность как сумму издержек производства или иных «аутентичных» качеств [Muniesa 2011]. Маркс рассматривает стоимость и капитал реляционно, как исторически специфичные общественные отношения. Капитал — это классовое отношение, возникающее в результате исторического процесса отделения непосредственных производителей от средств производства и превращения их в наемных работников [Маркс 1952: 719]. Капиталистический способ производства «производит не только товары, не только прибавочную стоимость, он про-

1 Согласно Фуко, классическая политэкономия отделила «образование стоимости от условий ее репрезентативности», так что любая стоимость стала определяться «условиями производства, которые ее породили», а сами эти условия — «количеством труда, затраченного на их производство» [Фуко 1977: 280, 281]. В марксизме ключевой переменной для определения величины стоимости является уже не количество труда, а общественно-необходимого рабочего времени, в неоклассической теории — соотношение предельных полезностей.

изводит и воспроизводит само капиталистическое отношение, — капиталиста на одной стороне, наемного рабочего — на другой» [Там же: 583]. Маркс противопоставляет свой реляционный анализ фетишизму политической экономии, однако и в трудовой теории стоимости Смита и Рикардо, и в «стоимостной теории труда» [Elson 2015] самого Маркса отношение между стоимостью (ценностью) и ценой мыслится как отношение репрезентации. В политэкономии стоимость рассматривается как сумма затрат рабочего времени, необходимых для производства продукта, в марксизме — как определенная величина «общественно необходимого рабочего времени», то есть как исторически специфичная общественная форма материального богатства [Маркс 1952: 53, 54]¹. Однако, как и у политэкономов, у Маркса цена является «выражением» стоимости и может отклоняться от нее в зависимости от конкретных обстоятельств обмена, а также принимать «мнимую» форму, когда приписывается объектам, не имеющим стоимости [Там же: 109].

Логика репрезентации в анализе ценности и капитала обнаруживается и у Вебера, ориентиром которого была ранняя версия неоклассической экономической теории. С одной стороны, он определяет капитал, понимаемый в «строго бухгалтерском и «частнохозяйственном»» смысле, как «установленную с целью балансирования капитальных расчетов сумму денежной оценки имеющихся в распоряжении предприятия средств получения дохода» [Вебер 2016: 142, 139; 2001: 254]. С другой стороны, Вебер также заимствует из неоклассической экономики понятие капитальных благ, введенное Дж.Б. Кларком [Levy 2017: 494]. Капитальные блага, согласно Веберу [2016: 142], это все блага, «которыми распоряжаются... ориентируясь на капитальный расчет», то есть на счетный контроль

144

1 Как пишет Маркс, «люди сопоставляют продукты своего труда как стоимости не потому, что эти вещи являются для них лишь вещными оболочками однородного человеческого труда. Наоборот. Приравнивая свои различные продукты при обмене один к другому как стоимости, люди приравнивают свои различные виды труда один к другому как человеческий труд. Они не сознают этого, но они это делают» [1952: 80]. Эта интерпретация получила развитие в работах Д. Элсон, М. Постона и других исследователей, указывавших на то, что Маркс использует политэкономические категории не транзисторически, как это делали политэкономы, а как исторически специфические категории буржуазного способа производства. Так, если трудовая теория стоимости классической политэкономии рассматривала труд как источник стоимости в любом обществе и в любую эпоху, то Маркс задавался обратным вопросом: почему в буржуазном способе производства продукты труда принимают форму стоимости? Таким образом, его теорию правильнее именовать «стоимостной (ценностной) теорией труда» (value theory of labor) [Elson 2015; Postone 1993].

доходности предприятия посредством составления бухгалтерского баланса [Вебер 2001: 254]. Веберовское определение благ как носителей полезности не отличается от определения, принятого в неоклассической экономической теории и формалистской антропологии, однако в отличие от них Вебер противопоставляет капиталистическое предприятие и домохозяйство как две формы распоряжения этими благами (две формы экономического действия). Если домохозяйство ориентируется на предельную полезность благ, которыми распоряжается, то капиталистическое предприятие ориентируется на рентабельность, которая зависит от того, как конечные потребители, исходя из собственных доходов, оценивают предельные полезности благ, производимых предприятием [Вебер 2016: 138–147]. Иначе говоря, как и Маркс, Вебер подчеркивает исторически специфичный характер капиталистических форм хозяйства, однако отношения между полезностью благ и их ценами мыслится им по модели репрезентации.

В отличие от Маркса и Вебера Поланьи не занимался теоретической разработкой понятий ценности (стоимости) и капитала и совмещал субстантивистскую и формалистскую аргументации. Он рассматривает стоимость как структурный эффект разделения труда, а в качестве ее источников называет, с одной стороны, человеческие потребности, с другой стороны — редкость благ, необходимых для их удовлетворения [Поланьи 2002: 275]. Однако в отличие от экономистов Поланьи [Там же: 55, 56; 71–81] отрицает взаимосвязь между разделением труда и рынком. Используемая им трактовка понятия капитала как совокупности факторов производства не отличается от неоклассической, однако в отличие от экономистов-неоклассиков Поланьи [Там же: 82–91] считает рыночное размещение факторов производства дисфункциональным: труд, земля и деньги суть «фиктивные товары», поскольку не создаются для продажи. Таким образом, анализ Поланьи направляется логикой репрезентации: попытка создания рыночного общества была попыткой интегрировать экономическую систему на основе фикции, то есть *ложной репрезентации*, превратив в товары труд, землю и деньги, изначально товарами не являющиеся.

Постановка проблемы ценности в терминах репрезентации открывает возможность для «двухтактного» или «бинарного» анализа, который рассматривает ценность *одновременно* и как социальную конструкцию или конвенцию, и как субстанцию [Muniesa 2011; Латур 2015]. Такой анализ открывает возможность для критики одной позиции с точки зрения другой, противопоставляя друг другу труд и заработную плату, рыночную цену и «фундаментальную стоимость» финансовых активов, «реальную» и «финансовую» экономики и т.д. [Muniesa et al. 2017: 15; Muniesa 2011; Birch, Tyfield 2013: 316;

Ott 2018]. Расхождение между объектом (ценностью-как-субстанцией) и его репрезентацией (ценностью-как-конструкцией) лежит в основе критики капитализма в ортодоксальном марксизме, веберовской критики социализма и поланьианской критики рыночного общества¹. И наоборот, институциональные атрибуты капитализма, которые выделяет атрибутивный подход, обеспечивают совпадение объекта и его репрезентации: функционирование закона стоимости (Маркс), рациональность капитального расчета (Вебер) или негативным образом, поскольку речь идет о «фикции» или ложной репрезентации, интеграцию хозяйственной системы (Поланьи).

Более существенной проблемой являются аналитические ограничения репрезентационной перспективы. Редукция капитала к совокупности физических объектов «изымает» его из исторического времени². Темпоральное измерение капитала тогда сводится к процессам постепенного истощения физической продуктивности факторов производства (износ оборудования, снижение производительности почв и т.д.). История вмешивается в эти процессы только внешним образом. Например, денежная ценность капитала может быть недооценена или переоценена в результате эксцессов ценообразования (спекулятивного «пузыря»), однако такого рода эпизоды — лишь временные отклонения репрезентации (цены) от своего объекта («внутренней» ценности) [Levy 2017: 494, 495; Ott 2018]. В марксистской терминологии эти процессы описываются как расхождения между действительным капиталом, обладающим стоимостью, и «фиктивным» капиталом, который ее лишен. Редукция капитала к социальным отношениям приводит к аналогичным результатам: история сводится к последовательности спо-

146

1 В случае марксизма имеется в виду критика капитализма «с точки зрения труда» [Postone 1993], где труд понимается как трансисторическая категория, обозначающая процесс взаимодействия человека и природы, взятый безотносительно его социальных форм. Такая критика разоблачает стоимость и другие категории капиталистического способа производства как ложные репрезентации, скрывающие истинную природу общественного богатства, источником которого является труд [Postone 1993]. В случае Вебера имеется в виду отсутствие в социалистической экономике условий, необходимых для обеспечения рациональности капитального расчета — рыночной борьбы [Вебер 2016: 140–141]. В случае Поланьи речь идет о концепции «фиктивных товаров» [Поланьи 2002].

2 Другим следствием интеллектуального доминирования материалистической концепции капитала является превращение материального производства в привилегированный объект для анализа экономической ценности, которая отождествляется с ценностью материальных вещей и физическим трудом, вытесняя альтернативные концепции ценности, например ценности как заботы [Грэбер 2020].

собов производства, в пределах которых правила обмена остаются неизменными. Капиталистическое отношение исторично как этап социальной эволюции, но раз установившись, оно остается стабильным, пока текущий способ производства не сменяется следующим [Маркс 1959].

Темпоральная организация капитала

Несмотря на их приверженность историзму, разные варианты атрибутивного подхода различают между генезисом и «нормальным» функционированием капитализма, относя их к разным «эпохам». Следствием этого становится выведение за рамки исторического процесса самого капитала. У Маркса [1952: 719] это различие принимает следующий вид. С одной стороны, в ходе процесса «так называемого первоначального накопления» происходит силовой захват общинной собственности и превращение ее в абсолютную частную собственность. Этот процесс образует «предысторию капитала и соответствующего ему способа производства», на смену которому приходит эксплуатация в наемном труде, основанная на формально эквивалентном обмене. Аналог этого различия у Вебера [2001: 332] — противопоставление «раннего капитализма», еще зависимого от предпосылок собственного развития, и капитализма «железного века XIX столетия», приобретшего собственную динамику¹. Наконец, у Поланьи [2002: 54] появление «машинного производства в коммерциализированном обществе» делает необходимым саморегулирующийся рынок, который создается политическими средствами, но работает по собственным законам. Так или иначе, процесс перехода от «общества с рынками» к «рыночному обществу» [Там же: 272, 273] не идентичен процессу функционирования последнего, пусть даже оно никогда в полной мере и не реализовалось на практике².

147

- 1 Наиболее известной формулировкой этого аргумента является метафора «стального панциря», в который превратился «победивший капитализм», оторвавшийся от своей религиозной опоры [Вебер 2020: 206]. Однако та же логика присутствует и в «структурной» версии веберовской теории капитализма, где религиозный фактор является лишь одной из его предпосылок [Вебер 2001: 255–332; Collins 1980]. Артур Стинчкомб обобщил эту логику в понятии «исторических причин» (historical causes), когда социальное явление продолжает воспроизводиться, хотя обстоятельства его возникновения более не имеют места [Stinchcombe 1968].
- 2 Попытка реализации утопического проекта рыночного общества была остановлена, натолкнувшись на спонтанное сопротивление общества. Поланьи [2002: 90–91] описывает этот процесс как «двойное движение».

Во всех случаях процессуальным и событийным характером обладает не сам капитал, а формирование институциональных атрибутов, делающих возможным его накопление, будет ли это развитие городской торговли, классовая борьба или рационализация хозяйственной этики. Напротив, прагматический подход рассматривает капитал процессуально, помещая в центр анализа его темпоральную организацию, поскольку именно специфическая темпоральность позволяет отграничить капитализацию от других практик придания ценности [Muniesa et al. 2017: 12; Giraudeau 2016]¹. Капитал — это процесс капитализации, частный случай практики придания ценности, связанный с инвестициями и поиском денежной (ресуниагу) выгоды [Levy 2017: 487; Giraudeau 2016; Muniesa 2011]. В отличие от материального богатства, являющегося результатом прошлого накопления, и в отличие от товара, подлежащего «мгновенному» обмену на рынке, капитализация перспективна: ценность того или иного объекта определяется ожиданиями относительно его способности приносить доход в будущем [Muniesa et al. 2017: 12; Levy 2017; Giraudeau 2016; Michell 2016; Beckert 2016]. Наоборот, с точки зрения атрибутивного подхода, капитал обращен в прошлое и как процесс накопления чужого труда (Маркс), и как процедура счетного контроля результатов деятельности предприятия (Вебер) [Levy 2017: 499]. Иначе говоря, темпоральность атрибутивного подхода — это темпоральность накопления, которое является необходимым, но недостаточным условием капитализации.

Именно потому, что она имеет дело с будущим, капитализация всегда происходит в условиях неопределенности, которая должна быть учтена в процессе оценивания капитала [Levy 2017: 487; Beckert 2016]. Это означает, что результат капитализации никогда не предопределен и, следовательно, ее изучение должно включать в себя анализ практических механизмов снижения неопределенности, используемых агентами, — от социальных сетей и институтов до финансовых моделей и калькулятивных устройств [Beckert 2009; Asperts 2018]. Такой подход возвращает контингентность в процессы накопления капитала, фокусируясь на практиках, в ходе которых агенты устанавливают соизмеримость (commensuration)

1 Любопытно, что и в исторической, и в социологической версиях прагматической теории капитализма присутствует амбиция сохранить узко экономический смысл понятия капитала, противопоставляя его, с одной стороны, теории П. Бурдьё [2002], отождествляющей капитал и власть, с другой стороны, экономическим и социологическим теориям социального и человеческого капитала [Levy 2017: 501; Muniesa et al. 2017: 13]. В неортодоксальном марксизме близкий по смыслу аргумент, подчеркивающий темпоральную специфику капитала, высказывал М. Постон [Postone 1993].

между прошлым и будущим, в том числе при помощи различных технологий придания ценности (valuation devices) [Doganova 2018; Birch 2017; Espeland, Stevens 1998; ср. Muniesa et al. 2007]. С другой стороны, капитализация ориентирована на будущее как «институционально оформленный процесс» [Поланьи 2010], поэтому ее темпоральный режим не является просто производным от диспозиций агентов или калькулятивных технологий, которыми они располагают. Необходимым, но недостаточным условием капитализации становится материальное или нематериальное богатство, накопленное в прошлом и зафиксированное с помощью институтов прав собственности и денег, также эволюционирующих в ходе истории. Однако капитал не тождествен ни богатству как таковому, ни экономико-правовым институтам, позволяющим его накапливать¹. Чтобы стать капиталом, любые формы богатства — будь то тело плантационного раба, денежная прибыль, индустриальное оборудование, диффузное социальное знание или финансовые инструменты — должны быть капитализированы, то есть оценены в свете своей ожидаемой способности генерировать доход в будущем.

Ценность капитала не является производной от имманентных характеристик объектов капитализации: деньги могут обесцениться, физическая продуктивность оборудования исчерпаться, знание потерять актуальность. Она появляется в результате процесса капитализации, то есть оценки инвесторами способности капитала приносить доход в будущем независимо от его конкретного материального или нематериального воплощения. Таким образом, процесс капитализации направлен в будущее, однако опирается на институты, конвенции и техники, унаследованные из прошлого, поэтому капитал может существовать лишь как процесс, разворачивающийся в историческом времени [Levy 2017: 495–499; Giraudeau 2016; ср. Sewell 1990; 2008]. При этом не всякое богатство становится капиталом — в соответствии с прагматической установкой, это зависит от того, каким образом границы ценного и неценного будут проведены конкретных практических контекстах. Поэтому в каждый момент времени капитализм представляет собой не просто один из «этажей» в исторической «иерархии обменов», располагаясь над рынком и материальной жизнью [Бродель 1993: 56–57]; он внутрен-

149

1 Близкое по смыслу различие предложил в своих работах об «экономике обогащения» Люк Болтански: он противопоставляет «форму актива», ориентированную на будущее повышение ценности, «коллекционной форме», связанной с богатством, накопленным в прошлом; при этом ни активы, ни предметы коллекционирования не тождественны товарам [Boltanski, Esquerre 2016].

не дифференцирован в соответствии с конкретно-исторической «иерархией активов» [Pistor 2019]¹.

От товаров к активам

Ключевой аналитической категорией атрибутивного подхода к анализу капитализма является товар. Маркс [1952: 153] исходил из того, что «товарное обращение есть исходный пункт капитала», и поместил в центр анализа капиталистического способа производства товар как элементарную форму буржуазного богатства [Маркс 1952: 41; 1959: 13]. Вебер [2016: 202] видел в товарах «зародыш капитальных благ» и считал развитие товарных рынков одним из необходимых условий развития капитализма, поскольку лишь в условиях «вольного рынка» достижима наибольшая формальная рациональность капитального расчета [Вебер 2001: 255-257; 2016: 138-140]. Для Поланьи [2002: 82-92]² категория товара играла центральную роль в анализе «рыночного общества», поскольку в его основе лежат рынки «фиктивных товаров»: труда, земли и денег. Напротив, для прагматических теорий в роли «экономической клеточки» капитализма выступают не товары, а активы, прототипом которых становятся не аршин холста или сюртук, а патенты и права интеллектуальной собственности.

Понятие активов пришло в прагматические теории капитализма из работ Т. Веблена и Дж.Р. Коммонса, предложивших его в качестве альтернативы неоклассическому понятию капитальных благ, связывающему ценность капитала с его физической продуктивностью [Levy 2017]. С точки зрения Веблена, капитал не тождествен «капитальным благам», обладающим стабильной внутренней ценностью, независимой от человеческой деятельности по капитализации различных форм богатства. Капитальные блага являются *благами*, так как обладают определенной технологической полезностью

- 1 Бродель разграничивал три структурных уровня экономической жизни, различая «материальную жизнь» в смысле адаптации человеческих сообществ к окружающей среде, над которой надстраивается «рыночная экономика» как пространство «автоматической» координации спроса и предложения, над которой, в свою очередь, находится капитализм, понимаемый как «противорынок», то есть совокупность коммерческих стратегий, направленных на избегание рыночной конкуренции [Бродель 1988: 220].
- 2 Как пишет Поланья, «утверждение Маркса о фетишизированном характере стоимости товаров относится к меновой стоимости подлинных товаров и совершенно не касается фиктивных товаров», фиктивный характер которых вытекает из их несоответствия с *эмпирическим* определением товара [Поланья 2002: 86, 87]. Несмотря на эти различия, в обоих случаях товар является ключевой аналитической категорией.

(serviceability) в производственном процессе, однако *капиталом* они становятся не благодаря своей полезности, а потому, что приносят доход своим владельцам. Производительность капитальных благ в качестве факторов производства зависит от физических характеристик «элементов богатства», из которых они состоят, однако их ценность в качестве капитала определяется тем, как собственники оценивают их способность приносить доход в будущем. Материальное или нематериальное богатство, являющееся объектом собственности, становится осязаемым или неосязаемым активом, когда получает денежную оценку в результате процесса капитализации, который Веблен [Veblen 1908a: 121] считал частным случаем процесса придания ценности (valuation).

Коммонс пришел к сходным идеям, интерпретируя эволюцию понятия собственности в судебных прецедентах. На рубеже XIX и XX веков американские суды постепенно отказались от определения экономической ценности через физические качества оцениваемого объекта или его рыночную цену в пользу критерия, связанного с ожидаемой способностью генерировать доход [Коммонс 2011; Birch, Muniesa 2020: 15-16; Muniesa 2016]. Таким образом, произошел переход от «вещественного» к «поведенческому» пониманию ценности, юридическим коррелятом которой стало понятие «нематериальной собственности» или активов (assets), «чья ценность зависит от права доступа на товарный рынок, рынок труда и т.д.» [Коммонс 2011: 28; Commons 1995 [1924]: 19], а не от физических или вещественных свойств объектов собственности¹. Как и Веблен, Коммонс считал ключевой характеристикой активов не степень их материальности или осязаемости, но их способность генерировать доход. Подчеркивая необходимость абстрагироваться от вещественного состава капитала, Коммонс [2011: 29] отождествлял активы с «нематериальной собственностью», а Веблен писал, что «субстанциальным ядром всего капитала является нематериальное богатство» [Veblen 1908c: 117; Levy 2017: 496].

Опираясь на идеи Веблена и Коммонса, прагматический подход пересматривает аналитическую топологию исследования капитализма: его ключевыми «топосами» оказываются не производство и обращение товаров, а капиталистические предприятия как финансовые объекты (совокупности активов), не процессы

1 «Активы — это ожидаемая меновая ценность чего угодно, будь то репутация, лошадь, дом, земля, способность к труду, гудвилл, патент, хорошая кредитная история, акции, облигации или банковские вклады; короче говоря, нематериальная собственность — это все то, что позволяет одному человеку получать прибыль от других [...] в рамках любой сделки современного бизнеса» [Коммонс 2011: 29; Commons 1995 [1924]: 19]. Перевод скорректирован.

коммодификации, в ходе которых вещи превращаются в товары, а процессы капитализации, в ходе которых материальное или нематериальное богатство трансформируется в приносящую доход собственность [Birch 2017: 462-469]. Категория активов позволяет разграничить «аналитический» (фактор производства) и «эмпирический» (богатство) аспекты капитала. Он обладает ценностью не только как ресурс, используемый в производственном процессе, но и как приносящая доход собственность [Birch, Muniesa 2020: 12, 13; Veblen 1908a; 1908b; Birch, Tyfield 2013; Birch 2017]. Эти аспекты не исключают друг друга: собственность, находящаяся в форме актива, может быть условием возможности коммодификации. Например, лицензии на патент, предметом которого являются результаты научных исследований, позволяют превратить знание в товар, однако даже после покупки лицензии сам патент остается под контролем своих владельцев как капитализированная собственность [Birch, Tyfield 2013: 316-319].

152

Логика капитализации активов порой оказывается важнее логики товарного производства для целых отраслей. Как пишет К. Бёрч, многие биотехнологические компании не производят никаких товаров, а их стоимость определяется ценностью принадлежащей им интеллектуальной собственности и величиной полученных финансовых инвестиций. Чтобы окупить стартовые вложения, биотехнологические компании стремятся монетизировать свои неосязаемые активы с помощью экономико-юридических механизмов, не связанных с производством товаров (лицензии, роялти, партнерства). Например, они финансируют долгосрочные исследования и разработки за счет монетизации прав интеллектуальной собственности [Birch, Tyfield 2013: 312-322]. Подобная практика еще больше снижает стимулы к производству товаров (например, лекарств или биоматериалов), поскольку такие активы, как права интеллектуальной собственности, оказываются самостоятельным источником дохода (монопольной ренты) и при этом сохраняют стоимость в качестве объектов собственности [Birch 2017: 465].

С юридической точки зрения, активы и товары отличаются друг от друга по структуре разделения собственности и контроля. Если товарный обмен основан на формальном равенстве участников сделки, в ходе которой передача контроля над предметами обмена происходит вместе с трансфером прав собственности, то активы предполагают иерархию различных прав [Pistor 2013; 2019; ср. Boltanski, Esquerre 2016; Stinchcombe 1990]. Например, владельцы прав собственности на «информационные блага» не просто получают доход от продажи их копий в форме цифровых товаров, но и имеют возможность ограничить использование этих копий: покупка музыки, фильма или электронной книги, как правило, не предпо-

лагает передачу права на воспроизведение (копирование) и распространение этих объектов¹. Кроме того, как юридические конструкции, активы позволяют ранжировать притязания различных групп по приоритетности, например, отдавая предпочтение кредиторам компании перед остальными инвесторами; регулировать действие приоритетных притязаний во времени и пространстве (в разное время и в разных юрисдикциях), а также конвертировать частные обязательства в государственные деньги, тем самым защищая и сохраняя их номинальную стоимость [Pistor 2019: 1-22]. Правовое «кодирование» активов, создающее иерархии доступа и приоритета, влияет на их ценность не в меньшей степени, чем их потенциальная роль как ресурсов в процессе производства.

С экономической точки зрения, активы и товары отличаются друг от друга логикой ценообразования. По мере увеличения стоимости актива растет и спрос на него, что делает возможным формирование спекулятивных пузырей, тогда как в случае товаров верно обратное: по мере того как растет спрос на тот или иной товар, все большее число производителей входят на рынок, что приводит к усилению конкуренции и снижению цены [Birch, Tyfield 2013; Birch 2017; 2020]. Это различие объясняется тем, что ценность товаров определяется в результате дискретных, «точечных» актов рыночного обмена (*arm's-length transactions*), предметы которого стандартизированы, в то время как ценность активов конституируется в процессе активного управления ими. В него вовлечены разные группы акторов, находящихся как внутри (менеджмент), так и за пределами (финансовые аналитики, инвесторы, регуляторы) юридического периметра организации [Birch 2017]. На стабильных рынках ценность товаров устанавливается в результате компромисса сторон, находящихся в формально равном положении, в то время как оценка активов отражает иерархию вовлеченных в этот процесс «профессионалов капитализации», занимающих неравные позиции с точки зрения владения специализированными формами экспертизы, а также дифференциации прав собственности и контроля. Кроме того, поскольку различные политико-экономические акторы преследуют разные стратегии и исходят из горизонтов ожиданий разной длительности, ценность активов контингентна, как и сам капитал [Idid.: 470].

1 Таким образом, несмотря на то что теоретически «информационные блага» являются неконкурентными в потреблении, поскольку издержки производства дополнительной единицы такого блага пренебрежимо малы, на практике распространение копий усиливает монополистическую позицию обладателей прав собственности [Birch 2020: 17].

Компетентные агенты

Фокусируясь на институтах, а не на практиках, атрибутивный подход абстрагируется от агентов и их компетенций. Для Маркса [1952: 239] капиталисты суть «персонифицированный капитал», посредники структурной логики способа производства, работающей «поверх» индивидуальных отклонений. Для Вебера [2016] они — носители хозяйственной рациональности, достигающей своего максимума в современном западном капитализме, где в полной мере реализовались условия формальной рациональности капитального расчета; индивидуальные отклонения от этого стандарта не отменяют его универсального характера. Наконец, для Поланьи [2002: 58] экономические агенты дорыночного общества «полностью подчинены общей системе их социальных связей», на смену которой в рыночном обществе приходят законы саморегулирующегося рынка, подчиняющие индивидов «строгим правилам» [Там же: 45–68; 275]. Во всех вариантах атрибутивного подхода капитализация происходит непроблематично и не предполагает активного участия агентов. У Маркса [1952: 584–593] превращение денег и других жизненных средств в капитал подчиняется неизменным законам товарного производства, у Вебера [2016: 142] любые блага становятся капиталом, поскольку ими распоряжаются, ориентируясь на капитальный расчет, процедура которого может в большей или меньшей степени приближаться к рациональным стандартам. Поланьи [2002: 275] рассматривает капитал как совокупность факторов производства, а их ценность — как неизменную часть «исходной парадигмы социальной действительности, которая не есть продукт человеческой воли»; иначе говоря, ценность капитала существует объективно, хотя и искажается в рамках рыночного общества.

Напротив, прагматический подход, рассматривающий капитал процессуально, предполагает, что капитализация не происходит автоматически — формы богатства и собственности сами по себе еще не являются капиталом. Они становятся активами в результате деятельности компетентных агентов, задействующих различные практики, формы экспертизы и инструменты, конкретные комбинации которых требуют эмпирического изучения [Birch 2020: 15, 16]. В отличие от первоначального накопления в ортодоксальном марксизме капитализация никогда не заканчивается: «физические факторы производства или любые другие формы капитала всегда должны капитализироваться — трансформироваться в легальные активы с денежной ценностью, которые, как ожидается, будут приносить денежный доход в будущем» [Levy 2017: 487]. Как элементарные «единицы» капитала, активы возникают в результате процессов капитализации: «чтобы капитализировать что-то, оно должно

либо рассматриваться как *актив*, либо быть превращено в него» [Muniesa et al. 2017: 12, 13]¹. В этой перспективе в центре исследовательского внимания неизбежно оказываются сами капиталисты и другие «профессионалы капитализации», а также используемые ими практики придания ценности, выбор которых не нейтрален с точки зрения результирующего распределения экономических благ, поскольку разные активы капитализируются разными агентами неодинаковым образом [Muniesa 2017; Levy 2014; O'Sullivan 2018; Birch 2020].

Это особенно характерно для неосязаемых активов, ценность которых в значительной степени зависит от того, как их оценивают сами держатели этих активов, а также другие профессиональные публики, обладающие специализированной экспертизой, — финансовые аналитики, брокеры, инвестиционные банкиры и т.д. [Birch 2020: 17; 2017: 477; Çalışkan, Callon 2009: 389; ср. Каллон, Меадель, Рабехарисоа 2002]². Например, венчурные капиталисты конвертируют результаты исследований современной технoнауки в неосязаемые активы, комбинируя собственную экспертизу в области бизнеса и финансов с экспертизой, воплощенной в научных результатах или технологиях. В результате возникают «знаниеемкие» права собственности (knowledge-intensive property rights), торгуемые на фондовом рынке в виде акций фирмы [Antonelli, Teubal 2008]. Среди других «профессионалов капитализации» особенно важную роль играют юристы, контролирующие «код капитала», то есть основные юридические инструменты, позволяющие конституировать активы [Pistor 2019]. Другая влиятельная группа — финансовые аналитики, чья деятельность играет решающую роль в классификации финансовых активов, от которой во многом зависит их оценка рынком [Zuckerman 1999; 2012; Wansleben 2013; Beckert 2016]. Значительная часть управления ценностью активов заключается в процессах их категоризации или, в терминах Чалышкана и Каллона, «постоянной квалификации и реквалификации» компетентными агентами [Çalışkan, Callon 2009: 389].

С другой стороны, деятельность «профессионалов капитализации» может быть направлена не только на сохранение или увели-

- 1 В литературе понятие ассетизации (производное от англ. asset — актив) является эквивалентным понятию капитализации [Birch, Muniesa 2020].
- 2 Одним из первых эту идею сформулировал Коммонс, писавший: «Если бы ценность была неизменным внешним объектом, обладающим физическим существованием, то в одно и то же время и в одном и том же месте вещь обладала бы только одной ценностью. Но если ценность — это процесс оценивания (valuation), то цели оценки определяют то, чем будет ценность» [Коммонс 2011: 232; Commons 1995 [1924]: 211].

чение ценности активов, но и на трансформацию их формы (из осязаемых в неосязаемые или наоборот), а также на их намеренное обесценивание. Обесценивание и изъятие инвестиций — не менее важные феномены, чем капитализация и инвестиции [Levy 2017: 508; Birch, Muniesa 2020: 15], поскольку в практиках придания ценности конституируется не только ценность конкретного объекта или класса объектов, но также и сама граница, отделяющая ценное от неценного [Çalışkan, Callon 2009; 2010; Muniesa 2011]. Например, одним из последствий капитализации промышленного производства и индустриального труда стало обесценивание (преимущественно женского) труда в сфере воспроизводства [Levy 2017; ср. Грэбер 2020]. Важнейшим вопросом политэкономии капитализма поэтому становится вопрос о том, какие активы выбираются для того, чтобы быть «закодированными как капитал» и получить соответствующие юридические привилегии, а также какие группы акторов осуществляют этот выбор и чьими интересами они руководствуются [Pistor 2019: 4]. Решения, какие активы будут капитализироваться и на каких условиях, конституируют исторически изменчивые «инвестиционные режимы» [Levy 2017: 507, 508], в рамках которых одни активы получают преимущество перед другими. Таким образом, появляется возможность рассматривать исторические трансформации капитализма, например, переход от аграрного или рабовладельческого капитализма к индустриальному, а затем к постиндустриальному или когнитивному не телеологически, как стадии в трансисторическом процессе развития технологий, изменения «вещественного» состава капитала или «материальности» труда [Лаззарато 2008], а как контингентные результаты политической конституции инвестиционных режимов, устанавливающих иерархии форм капитала.

156

Заключение

Прагматический подход к анализу капитализма сформировался на стыке двух литератур: прагматической экономической социологии и «новой» истории американского капитализма, которые разными путями пришли к необходимости переосмыслить капитализм как совокупность практик придания ценности. Эта перспектива отличается от атрибутивного подхода, доминирующего в социологической дискуссии о капитализме и опирающегося на синтез идей Маркса, Вебера и Поланьи. Атрибутивный подход анализирует экономическую ценность и капитал в терминах соответствия объектов и репрезентаций, а капитализм рассматривает как совокупность институтов, обеспечивающих это соответствие. Напротив, прагматический подход рассматривает экономическую ценность

и капитал процессуально как совокупность практик, в ходе которых компетентные агенты придают ценность общественному богатству, делая его капиталом. Хотя он пока не представляет собой единой теории, уже сейчас можно увидеть некоторые эвристические преимущества, которые такая теория могла бы дать.

Во-первых, прагматический подход по-новому артикулирует различие капитализма, рынка и рыночного общества, подчеркивая, что они не тождественны ни логически, ни исторически. Атрибутивный подход проводит это различие иначе, рассматривая капитализм как генерализацию рыночного обмена, который из «возможности» превращается в структурный «императив» [Wood 1994]. С прагматических позиций отличительной чертой капитализма является не столько «императивная» модальность рынка, сколько наличие капитализации как формы воображения и как совокупности практик, «кодирующих» объекты в качестве активов. Как пишет Дж. Леви, капитализмом можно назвать любую экономическую форму жизни, в которой капитализация, или «экономическая логика капитала как процесса», стала привычной и начала доминировать над экономической жизнью, подчинив себе процессы производства и распределения общественного богатства [Levy 2017: 487, 504, 505; Cook 2017: 1-16; Giraudeau 2016]. В этом смысле капитализм — не столько «производство для рынка», сколько «производство для капитала». В капиталистическом обществе экономическая жизнь подчинена императиву ожидаемой доходности капиталовложений, а не прибыли от сбыта товаров. Коммодификация и капитализация суть разные практики придания ценности, отличающиеся друг от друга своей темпоральной организацией. Ценность товаров устанавливается в рамках «мгновенных» обменов на конкурентном рынке, в то время как ценность капитальных активов является продуктом иерархии ожиданий разных групп инвесторов, а также усилий по снижению неопределенности, предпринимаемых «профессионалами капитализации», и существует в иной, направленной на будущее темпоральности. В этой перспективе в центре исследовательского внимания неизбежно оказываются сами капиталисты, а также другие «профессионалы капитализации» и используемые ими категории, конвенции и инструменты, направленные на снижение неопределенности.

Во-вторых, прагматический подход снимает с повестки дня споры о различиях между индустриальным, постиндустриальным или когнитивным капитализмами [Moulier-Boutang 2011; Smith 2013]. Рассмотрение капитала как совокупности практик капитализации позволяет абстрагироваться от его «вещественного состава» и избежать гипостазирования той или иной конкретной исторической его формы. Объектом капитализации, то есть потенциальным или

действительным «активом», может быть как тело плантационного раба, так и индустриальная фабрика или диффузное социальное знание [Birch, Muniesa 2020]. Промышленные предприятия предстают тогда лишь одной из форм капитальных активов, доминирующей на ограниченном историческом промежутке: например, в доиндустриальную эпоху наиболее важными активами были земля и рабы, а после стагфляции 1970-х годов эту роль стали играть финансовые инструменты [Levy 2017; 2014]. Это рассуждение наследует знаменитому тезису Фернана Броделя о том, что капитализм противостоит специализации, находясь «у себя дома», когда капитал пребывает в денежной или финансовой форме, и «в гостях», когда он инвестируется в промышленное производство или другие формы активов, например, хлопковые или сахарные плантации [Бродель 1988]¹. Однако если Бродель понимает капитал эссенциалистски как неизменный «уровень» в исторической иерархии обменов, то прагматический подход позволяет анализировать трансформации капитала как политический процесс трансформации «инвестиционных режимов» и иерархий активов. Таким образом, история капитализма выстраивается не столько вокруг институциональных или технологических «стадий» (доиндустриальный, индустриальный, постиндустриальный капитализм), сколько вокруг инвестиционных режимов, определяющих, какие активы могут капитализироваться и на каких условиях.

158

В-третьих, прагматический подход предлагает новый взгляд на взаимодействие государства и капитала. Вслед за Ф. Броделем в обобщенном виде можно выделить две модальности вовлечения государства в экономическую жизнь: как «регулятор» оно действует в интересах потребителей, ограничивая концентрацию рыночной власти в руках монополистов и защищая конкуренцию, но как «гарант» государство выступает источником и защитником монопольных привилегий [Бродель 1993; Wallerstein 1991]. В отличие от атрибутивного подхода, фокусирующегося на роли государств в создании и регулировании рынков, для прагматического подхода более существенной становится роль государства в создании и поддержании инвестиционных режимов. «Контракты и права собственности поддержива-

1 Согласно Броделю, инвестиции капитала в промышленное производство в XIX веке были похожи на специализацию, так что возникла тенденция «представлять машинную промышленность как завершающий этап развития капитализма», однако «после первого бума машинного производства самый развитый капитализм возвратился к эклектичности», чтобы «не замыкаться в [рамки] единственного выбора; быть в высшей степени способным к адаптации и, следовательно, быть неспециализированным» [Бродель 1988: 377; 1992: 247; Wallerstein 1991; Arrighi 2001].

ют свободные рынки, но капитализм требует большего — правовых привилегий для некоторых активов, что дает их владельцам сравнительное преимущество в обогащении» [Pistor 2019: 4, 79]. С этой точки зрения роль государств в развитии капитализма не ограничивается обеспечением прав собственности, так как более важными функциями оказываются обеспечение возможности частнопроводного кодирования активов, их конвертации в законное платежное средство (деньги), а также создание иерархий активов путем наделения некоторых из них правовыми привилегиями [Pistor 2019].

В заключение следует отметить две теоретические развилки, которые прагматическому подходу предстоит пройти, чтобы трансформироваться в полноценную теорию. Во-первых, в понятии капитализации присутствует амбивалентность. Она представляет собой одновременно и форму воображения, способность «видеть как инвестор», и реальный процесс, в ходе которого объекты трансформируются в капитал путем ограничения доступа к ним и юридического кодирования. Как соотносятся «культурная» и «структурная» трактовки капитализации в качестве мировоззрения и «институционально укорененного» процесса? Возможна ли общая теория капитализации, учитывающая роль коллективного воображения [Cook 2016; Muniesa et al. 2017], права и других институтов [Levy 2017; Pistor 2019], технологий и экспертизы [Birch 2020; Birch, Muniesa 2020] в процессах трансформации людей, вещей и отношений в активы? Во-вторых, остается непроясненным вопрос о критериях, которые позволяют говорить о капитализме как о сложившейся «экономической форме жизни» [Levy 2017: 504, 505]. В какой момент капитализация становится «привычной» и подчиняет себе экономическую жизнь общества, а капитал превращается в доминирующую форму ценности как таковой? Дальнейшее движение на пути к прагматической теории капитализма будет зависеть от ответов на эти вопросы.

159

Библиография / References

Арриги Дж. (2006) *Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени*, М.: ИД «Территория будущего».

— Arrigi G. (2006) *The Long Twentieth Century*, М.: Territoriya Budushchego. — in Russ.

Беккерт С. (2018) *Империя хлопка: Всемирная история*, М.: Институт Гайдара.

— Beckert J. (2018) *The Empire of Cotton*, М.: Gaidar Institute. — in Russ.

Биггарт Н., Гиллен М. (2006) Выявление различий: социальная организация и формирование автомобильных производств в Южной Корее, Тайване, Испании и Аргентине. *Экономическая социология*, 7 (2): 23–55.

— Biggart N., Guillen M. (2006) Developing Difference: Social Organization and the Rise of the Auto Industries of South Korea, Taiwan, Spain and Argentina. *Economic Sociology*, 7 (2): 23-55. — in Russ.

Бродель Ф. (1988) *Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV-XVIII вв. Т. 2. Игры обмена*, М.: Прогресс.

— Bruadel F. (1988) *Material Civilization, Economy, and Capitalism. XV-XVIIIth Centuries. Vol. 2. Games of Exchange*, М.: Progress. — in Russ.

Бродель Ф. (1992) *Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV-XVIII вв. Т. 3, М.: Прогресс.*

— Bruadel F. (1992) *Material Civilization, Economy, and Capitalism. XV-XVIIIth Centuries. Vol. 3, М.: Progress.* — in Russ.

Бродель Ф. (1993) *Динамика капитализма*, Смоленск: Полиграмма.

— Braudel F. (1993) *Dynamics of Capitalism*, Smolensk: Polygramma. — in Russ.

Бурдые П. (2002) Формы капитала. *Экономическая социология*, 3 (5): 60-74.

— Bourdieu P. (2002) Forms of Capital. *Economic Sociology*, 3 (5): 60-74. — in Russ.

Валлерстайн И. (2015) *Мир-система Модерна. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке*, М.: Университет Дмитрия Пожарского.

— Wallerstein I. (2015) *The Modern World-System*, М.: Universitet Dmitriya Pozharskogo. — in Russ.

Вебер М. (2001 [1923]) *История хозяйства. История хозяйства. Город*, М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле: 5-332.

— Weber M. (2001 [1923]) *General Economic History*, М.: Kanon-Press, Kuchkovo Pole. — in Russ.

Вебер М. (2016 [1920]) Предварительные замечания. *Избранное: Протестантская этика и дух капитализма*, М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга: 7-18.

— Weber M. (2016 [1920]) Preliminary Remarks. *Selected Writings: The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*, М.; SPb.: Center for Humanities Initiatives; University Book: 7-18. — in Russ.

Вебер М. (2016) *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии*. В 4 т., М.: ИД ВШЭ.

— Weber M. (2016) *Economy and Society*, М.: HSE. — in Russ.

Вебер М. (2020 [1905]) *Протестантская этика и дух капитализма*, М.: АСТ.

— Weber M. (2020 [1925]) *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*, М.: AST. — in Russ.

Грэбер Д. (2014) *Фрагменты анархистской антропологии*, М.: Радикальная теория и практика. — Graeber D. (2014) *Fragments of an Anarchist Anthropology*, М.: Radical Theory and Practice. — in Russ.

Грэбер Д. (2020) *Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда*, М.: Ad Marginem.

- Graeber D. (2020) *Bullshit Jobs: A Theory*, М.: Ad Marginem. — in Russ.
- Дор Р. (2008) Различия японской и англо-саксонской моделей капитализма. *Экономическая социология*, 9 (1): 65–78.
- Dore R. (2008) Differences between Japanese and Anglo-Saxon Models of Capitalism. *Economic Sociology*, 9 (1): 65–78. — in Russ.
- Жихаревич Д.М., Резаев А.В. (2013) Тупики и повороты исторического анализа раннего капитализма: «Капиталисты поневоле» Р. Лахмана. *Экономическая социология*, 14 (4): 125–136.
- Zhikharevich D.M., Rezaev A.V. (2013) Dead-ends and Crossroads in the Historical Analysis of Early Capitalism. A Review of Richard Lachmann's Capitalists in Spite of Themselves. *Economic Sociology*, 14 (4): 125–136. — in Russ.
- Жихаревич Д.М. (2018) Двадцать пять лет после СССР: перспективы сравнительных исследований капитализма. *Экономическая социология*, 19 (1): 188–203.
- Zhikharevich D. (2017) 25 Years After the USSR: Prospects of the Comparative Studies of Capitalism. A Review Essay. *Economic Sociology*, 16 (1): 188–203. — in Russ.
- Каллон М., Меадель С., Рабехарисоа В. (2008) Экономика качеств. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 11 (4): 59–87.
- Callon M., Meadel C., Rabeharisoa V. (2008) The Economy of Qualities. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 11 (4): 59–87. — in Russ.
- Коммонс Дж.Р. (2011) *Правовые основания капитализма*, М.: ИД ВШЭ.
- Commons J.R. (2011) *Legal Foundations of Capitalism*, М.: HSE. — in Russ.
- Лаззарато М. (2008) Нематериальный труд. *Художественный журнал*, 69. (<http://moscowartmagazine.com/issue/23/article/369>)
- Lazzarato M. (2008) Intermaterial labor. *Art Magazine*, 69. (<http://moscowartmagazine.com/issue/23/article/369>). — in Russ.
- Лахман Р. (2010) *Капиталисты поневоле: Конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени*, М.: ИД «Территория будущего».
- Lachmann R. (2010) *Capitalists in Spite of Themselves*, М.: Territoriya Buduschego. — in Russ.
- Лахман Р. (2016) *Что такое историческая социология?* М.: ИД «Дело».
- Lachmann R. (2016) *What is Historical Sociology?* М.: ID «Delo». — in Russ.
- Маркс К. (1952 [1867]) *Капитал. Критика политической экономии*. Т. 1, М.: Госполитиздат.
- Marx K. (1952 [1867]) *Capital. Critique of Political Economy*. Vol. 1, М.: State publishing house of political literature. — in Russ.
- Маркс К. (1959 [1859]) *К критике политической экономии*. Т. 13. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е, М.: Госполитиздат.
- Marx K. (1959 [1859]) *A Contribution to the Critique of Political Economy*. Vol. 13. Marx K., Engels F. *Works*. Second edition, М.: State publishing house of political literature. — in Russ.

Мосс М. (2011 [1925]) Опыт о даре. *Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии*, М.: КДУ: 134–285.

— Mauss M. (2011 [1925]) *The Gift. Societies. Exchange. Personality*, М.: КДУ. — in Russ.

Поланьи К. (2002 [1944]) *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени*, СПб.: Алетея.

— Polanyi K. (2002 [1944]) *The Great Transformation: Political and Economic Origins of Our Times*, СПб.: Alateia. — in Russ.

Поланьи К. (2010 [1957]) Экономика как институционально оформленный процесс. *Избранные работы: сборник научных трудов*, М.: ИД «Территория будущего» : 47–88.

— Polanyi K. (2010 [1957]) *The Economy as an Instituted Process.. Selected Writings*, М.: Territoriya Buduschego. — in Russ.

Роббинс Л. (1993 [1935]) Предмет экономической науки. *THESIS*, 1: 10–23.

— Robbins L. (1993 [1935]) *The Subject Matter of Economics. THESIS*, 1: 10–23. — in Russ.

Флигстин Н. (2013) Архитектура рынков: экономическая социология капиталистических обществ XXI века, М.: ИД ВШЭ.

162 — Fligstein N. (2013) *The Architecture of Markets: An Economic Sociology of 21st Century Capitalist Societies*, М.: HSE. — in Russ.

Фуко М. (1977 [1966]) *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук*, М.: Прогресс.

— Foucault M. (1977 [1966]) *Words and Things. Archaeology of Humanities*, М.: Progress. — in Russ.

Abourahme N., Jabary-Salamanca O. (2016) Thinking Against the Sovereignty of the Concept: A Conversation with Timothy Mitchell. *City*, 20 (5): 737–54.

Antonelli C., Teubal M. (2008) Knowledge-intensive property rights and the evolution of venture capitalism. *Journal of Institutional Economics*, 4 (2): 163–182.

Arrighi G. (2001) Braudel, Capitalism, and the New Economic Sociology. Review. Fernand Braudel Center for the Study of Economies. *Historical Systems and Civilizations*, 24 (1): 107–123.

Aspers P. (2018) Forms of uncertainty reduction: Decision, valuation, and contest. *Theory and Society*, 47 (2): 133–149.

Baptist E.E. (2012) Toxic Debt, Liar Loans, Collateralized and Securitized Human Beings, and the Panic of 1837. M. Zakim, G. J. Kornblith (eds) *Capitalism takes command: The social transformation of nineteenth-century America*, Chicago; London: The University of Chicago Press: 68–92.

Beckert J. (2013) Capitalism as a System of Expectations. *Politics & Society*, 41 (3): 323–350.

Beckert J. (2016) *Imagined futures: Fictional expectations and capitalist dynamics*, Cambridge, MA: Harvard University Press.

Beckert J., Aspers P. (2011) Value in Markets. *The worth of goods: Valuation and pricing in the economy*, Oxford; New York: Oxford University Press: 3–38.

- Beckert J. (2009) The social order of markets. *Theory and Society*, 38 (3): 245-269.
- Beckert S. et al. (2014) Interchange: The History of Capitalism. *The Journal of American History*, 101 (2): 503-536.
- Beckert S., Rockman S. (2016) *Slavery's Capitalism (Early American studies)*, Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Birch K., Tyfield D. (2013) Theorizing the Bioeconomy: Biovalue, Biocapital, Bioeconomics or... What? *Science, Technology, Human Values*, 38 (3): 299-327.
- Birch K., Muniesa F. (2020) *Assetization: Turning Things into Assets in Technoscientific Capitalism*, Cambridge, MA: MIT Press.
- Birch K. (2017) Rethinking Value in the Bioeconomy. *Science, Technology, Human Values*, 42 (3): 460-490.
- Birch K. (2020) Technoscience Rent: Toward a Theory of Rentiership for Technoscientific Capitalism. *Science, Technology, Human Values*, 45 (1): 3-33.
- Boldizzoni F. (2008) *Means and ends: The idea of capital in the West, 1500-1970*, Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan.
- Boltanski L., Esquerre A. (2016) The Economic Life of Things: Commodities, Collectibles, Assets. *New Left Review*, 98: 31-54.
- Brenner R. (1982 [1977]) The Origins of Capitalist Development: A Critique of Neo-Smithian Marxism. H. Alavi, T. Shanin (eds) *Introduction to the Sociology of "Developing Societies"*, London: Palgrave.
- Çalışkan K., Callon M. (2009) Economization, part 1: Shifting attention from the economy towards processes of economization. *Economy and Society*, 38 (3): 369-398.
- Çalışkan K., Callon M. (2010) Economization, part 2: A research programme for the study of markets. *Economy and Society*, 39 (1): 1-32.
- Callon M. (1998) Introduction: The Embeddedness of Economic Markets in Economics. M. Callon (ed.) *The laws of the markets. Sociological Review*, Oxford; Malden, MA: Blackwell. .
- Callon M., Latour B. (1998) "Thou shall not calculate!" or How To Symmetrize Gift and Capital. (<http://www.bruno-latour.fr/sites/default/files/downloads/P-71%20CAPITALISME-MAUSS-GB.pdf>)
- Camic C. (1987) The Making of a Method: A Historical Reinterpretation of the Early Parsons. *American Sociological Review*, 52 (4): 421-439.
- Clegg J. (2015) Capitalism and Slavery. *Critical Historical Studies*, 2 (2): 281-304.
- Collins R. (1980) Weber's Last Theory of Capitalism: A Systematization. *American Sociological Review*, 45 (6): 925-942.
- Commons J.R. (1995 [1924]) *Legal Foundations of Capitalism*, London; New York: Routledge.
- Cook E. (2017) *The pricing of progress: Economic indicators and the capitalization of American life*, Cambridge (Mass.): Harvard University Press.
- Doganova L. (2018) Discounting and the Making of the Future. *Uncertain Futures*, Oxford: Oxford University Press.

Elson D. (2015 [1980]) *Value: The representation of labour in capitalism (Radical thinkers)*, London: Verso.

Emigh R.J. (2009) *The Underdevelopment of Capitalism: Sectors and Markets in Fifteenth Century Tuscany*, Philadelphia: Temple University Press.

Espeland W.N., Stevens M.L. (1998) Commensuration as a Social Process. *Annual Review of Sociology*, 24 (1): 313-343.

Fox-Genovese E. (1988) *Within the Plantation Household Black and White Women of the Old South*, Chapel Hill; London: The University of North Carolina Press.

Giraudeau M. (2016) The Business of Continuity. B. Latour (ed.) *Reset Modernity!* Cambridge, MA: MIT Press: 278-85.

Giraudeau M. (2019) The Predestination of Capital: Projecting E. I. Du Pont de Nemours and Company into the New World. *Critical Historical Studies*, 6 (1): 33-62.

Graeber D. (2001) *Toward an anthropological theory of value: The false coin of our own dreams*, New York: Palgrave.

Graeber D. (2006) Turning Modes of Production Inside Out. *Critique of Anthropology*, 26 (1): 61-85.

Granovetter Mark (2009) Comment on "Capitalist Entrepreneurship: Making Profit through the Unmaking of Economic Orders". *Capitalism and Society*, 4 (2): 8.

164 Gregory C. (1982) *Gifts and commodities (Studies in political economy)*, London: Academic Press.

Hall P., Soskice D.W. (2013) *Varieties of capitalism: The institutional foundations of comparative advantage*, Oxford: Oxford University Press.

Hall P.A. (2015) *Varieties of Capitalism*. In *Emerging Trends in the Social and Behavioral Sciences* (<https://doi.org/10.1002/9781118900772.etrds0377>)

Heilbroner R. L. (1998) The "Disappearance" of Capitalism. *World Policy Journal*, 15 (2): 1-7.

Hicks J. (1974) Capital Controversies: Ancient and Modern. *The American Economic Review*, 64 (2): 307-316.

Hilt E. (2017) Economic History, Historical Analysis, and the "New History of Capitalism". *The Journal of Economic History*, 77 (2): 511-536.

Hindess B., Hirst P.Q. (1975) *Pre-capitalist modes of production*, London: Routledge.

Hobsbawm E.J. (1965) *Pre-capitalist economic formations*, New York: International Publishing.

Hodgson G. (2015) *Conceptualizing capitalism: Institutions, evolution, future*, Chicago; London: The University of Chicago Press.

Hodgson G.M. (2004) Reclaiming habit for institutional economics. *Journal of Economic Psychology*, 25 (5): 651-660.

Hodgson G.M. (2014) What is capital? Economists and sociologists have changed its meaning: Should it be changed back? *Cambridge Journal of Economics*, 38 (5): 1063-1086.

Johnson W. (2004) The Pedestal and the Veil: Rethinking the Capitalism/Slavery Question. *Journal of the Early Republic*, 24 (2): 299-308.

- Karatani K. (2008) Beyond Capital-Nation-State. *Rethinking Marxism*, 20 (4): 569-595.
- Knudsen Th., Swedberg R. (2009) Capitalist Entrepreneurship: Making Profit through the Unmaking of Economic Orders. *Capitalism and Society*, 4 (2): 3.
- Kocka J., Linden M. (2016) *Capitalism: The reemergence of a historical concept*, London; New York: Bloomsbury Academic.
- Kornberger M., Justesen L., Madsen A.K., Mouritsen J. (2015) Introduction. *Making things valuable* (First ed., Oxford: Oxford University Press: 1-17.
- Lachmann R. (1989) Origins of Capitalism in Western Europe: Economic and Political Aspects. *Annual Review of Sociology*, 15 (1): 47-72.
- Langley P. (2020) Assets and assetization in financialized capitalism. *Review of International Political Economy: RIPE*, 28 (2): 382-393.
- Levy J. (2014) Accounting for Profit and the History of Capital. *Critical Historical Studies*, 1 (2): 171-214.
- Levy J. (2017) Capital as Process and the History of Capitalism. *Business History Review*, 91 (3): 483-510.
- Livingston J. (1994) *Pragmatism and the political economy of Cultural Revolution, 1850-1940* (Cultural studies of the United States), Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- Maggor N. (2016). The Great Inequalizer: American Capitalism in the Gilded Age and Progressive Era. *The Journal of the Gilded Age and Progressive Era*, 15 (3): 241-245.
- Maggor N. (2017) *Brahmin Capitalism: Frontiers of Wealth and Populism in America's First Gilded Age*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Martin B. (2010) Slavery's Invisible Engine: Mortgaging Human Property. *Journal of Southern History*, 76 (4): 817-866.
- Moulier Boutang Y. (2011) *Cognitive capitalism*, Cambridge: Polity.
- Muniesa F., Doganova L., Ortiz H., Pina-Stranger A. et al. (2017) *Capitalization: A cultural guide (Sciences sociales)*, Paris: Presses des Mines.
- Muniesa F. (2011) A flank movement in the understanding of valuation. *The Sociological Review (Keele)*, 59 (S2): 24-38.
- Muniesa F. (2016) Setting the Habit of Capitalization: The Pedagogy of Earning Power at the Harvard Business School, 1920-1940. *Historical Social Research (Köln)*, 41 (156): 196-217.
- Neal L. (2014) Introduction. L. Neal, J. Williamson (eds). *The Cambridge History of Capitalism*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Neal L., Williamson J.G. (2014a) The Cambridge history of capitalism. Vol. I. *The Rise of Capitalism: From Ancient Origins to 1848*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Neal L., Williamson J.G. (2014b) The Cambridge history of capitalism. Vol. II. *The spread of capitalism: From 1848 to the present*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Nee V., Swedberg R. (eds) (2005) *The Economic Sociology of Capitalism*. Princeton; Oxford:: Princeton University Press.
- Nee V., Swedberg R. (eds) (2007) *On Capitalism*, Stanford: Stanford University Press.

Nitzan J., Bichler S. (2009) *Capital as power: A study or order and creorder (RIPE series in global political economy)*. Milton Park, Abingdon, Oxon; New York, NY: Routledge.

O'Sullivan M. (2018) The Intelligent Woman's Guide to Capitalism. *Enterprise & Society*, 19 (4): 751-802.

Ott J. (2014) *Slaves. The Capital That Made Capitalism*. April 9. (<https://publicseminar.org/essays/slavery-the-capital-that-made-capitalism/>)

Ott J. (2018) What Was the Great Bull Market? Value, Valuation, and Financial History. *American Capitalism*, New York; Chichester, West Sussex: Columbia University Press: 63-95.

Parsons T. (1935) The Place of Ultimate Values in Sociological Theory. *International Journal of Ethics*, 45(3): 282-316.

Pistor K. (2019) *The code of capital: How the law creates wealth and inequality*, Princeton; Oxford: Princeton University Press.

Pistor K. (2013) A legal theory of finance. *Journal of Comparative Economics*, 41 (2): 315-330.

Postone M. (1993) *Time, labor, and social domination: A reinterpretation of Marx's critical theory*. Cambridge (England); New York, NY, USA: Cambridge University Press.

Ragin C., Zaret D. (1983) Theory and Method in Comparative Research: Two Strategies. *Social Forces*, 61 (3): 731-754.

Reinert E., Ghosh J., Kattel R. (2016) *Handbook of alternative theories of economic development*, Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing.

Rockman S. (2014). What Makes the History of Capitalism Newsworthy? *Journal of the Early Republic*, 34 (3): 439-466.

Rosenthal C. (2018) *Accounting for Slavery: Masters and Management*, Cambridge, MA: Harvard University Press.

Rosenthal C. (2020) Capitalism when Labor was Capital: Slavery, Power, and Price in Antebellum America. *Capitalism: A Journal of History and Economics*, 1 (2): 296-337.

Rosenthal C. (2020) Capitalism when Labor was Capital: Slavery, Power, and Price in Antebellum America. *Capitalism: A Journal of History and Economics*, 1 (2): 296-337.

Sewell W.H. (1990) *Three Temporalities: Towards a Sociology of the Event*. Presented at a conference on "The Historic Turn in the Human Sciences," at the University of Michigan, October 1990. (<http://hdl.handle.net/2027.42/51215>)

Sewell W.H. (2008) The temporalities of capitalism. *Socio-economic Review*, 6 (3): 517-537.

Sklansky J. (2014). Labor Money, and the Financial Turn in the History of Capitalism. *Labor (Durham, N.C.)*, 11 (1): 23-46.

Skocpol T. (1977) Wallerstein's World Capitalist System: A Theoretical and Historical Critique. *American Journal of Sociology*, 82 (5): 1075-1090.

Smith T. (2013) The "General Intellect" in the Grundrisse and Beyond. *Marx's Laboratory: Critical Interpretations of the Grundrisse. Historical Materialism Book Series*; 48, Leiden: Brill:213-232.

Spates J. (1983) The Sociology of Values. *Annual Review of Sociology*, 9: 27-49.

- Stark D. (2000) *For a Sociology of Worth. Keynote address for the Meetings of the European Association of Evolutionary Political Economy*, Berlin, November (<https://www.peopleandprocess.com/wp-content/uploads/2011/11/For-a-Sociology-for-Worth.pdf>)
- Stark D. (2017) For What It's Worth. *Justification, Evaluation and Critique in the Study of Organizations*, 52: 383-397.
- Stinchcombe A. (1968) *Constructing social theories*, New York: Harcourt, Brace and World.
- Stinchcombe A.L. (1985) Contracts as Hierarchical Documents. *Information and organizations*, Berkeley: California University Press: 194-237.
- Streeck W. (2012) How to Study Contemporary Capitalism? Archives Européennes De Sociologie. *European Journal of Sociology*, 53(1): 1-28.
- Swedberg R. (1998) *Max Weber and the idea of economic sociology*, Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- Swedberg R. (2005a) The Economic Sociology of Capitalism: An Introduction and Agenda. R. Swedberg, V. Nee (eds) *The Economic Sociology of Capitalism*, Princeton: Princeton University Press: 3-40.
- Swedberg R. (2005b) Towards an Economic Sociology of Capitalism. *L'Année sociologique*, 2 (2): 419-449. (<https://doi.org/10.3917/anso.052.0419>)
- Thomas N. (1991) *Entangled objects: Exchange, material culture, and colonialism in the Pacific*, Cambridge (Mass.): Harvard University Press.
- Toscano A. (2007) From Pin Factories to Gold Farmers: Editorial Introduction to a Research Stream on Cognitive Capitalism, Immaterial Labour, and the General Intellect. *Historical Materialism: Research in Critical Marxist Theory*, 15 (1): 3-11.
- Unger R. (2010) *Free trade reimagined: The world division of labor and the method of economics*, Princeton: Princeton University Press.
- Veblen T. (1908a). On the Nature of Capital: Investment, Intangible Assets, and the Pecuniary Magnate. *The Quarterly Journal of Economics*, 23 (1): 104-136.
- Veblen T. (1908b) On the Nature of Capital. *The Quarterly Journal of Economics*, 22 (4): 517-542.
- Veblen T. (1908c) Fisher's Capital and Income. *Political Science Quarterly*, 23 (1): 112-128.
- Wallerstein I. (1991). Braudel on Capitalism, or Everything Upside Down. *The Journal of Modern History*, 63 (2): 354-361.
- Wansleben L. (2013) Dreaming with BRICs. *Journal of Cultural Economy*, 6 (4): 453-471.
- Wood E. (1994) From Opportunity to Imperative: The History of the Market. *Monthly Review*, 46: 14-40.
- Yonay Y. (1998) The struggle over the soul of economics. *Institutionalist and neoclassical economists in America between the wars*, Princeton: Princeton University Press.
- Zuckerman E.W. (1999) The Categorical Imperative: Securities Analysts and the Illegitimacy Discount. *The American Journal of Sociology*, 104 (5): 1398-1438.
- Zuckerman E.W. (2012) Construction, Concentration, and (Dis)Continuities in Social Valuations. *Annual Review of Sociology*, 38 (1): 223-245.

Рекомендация для цитирования:

Жихаревич Д.М. (2021) Элементы прагматической теории капитализма. *Социология власти*, 33 (1): 125-168.

For citations:

Zhikharevich D.M. (2021) Elements of a Pragmatic Theory of Capitalism. *Sociology of Power*, 33 (1): 125-168.

Поступила в редакцию: 11.03.2020; принята в печать: 19.03.2021

Received: 11.03.2020; Accepted for publication: 19.03.2021